Олеся Руданская

Развод с генералом.

Ты скучал по другой

Олеся Руданская

Развод с генералом. Ты скучал по другой

«Автор»
2026

Руданская О.

Развод с генералом. Ты скучал по другой / О. Руданская — «Автор», 2026

— Тебе туда не надо, — сказал муж, когда я попросилась с ним на рыбалку.За этими словами скрывался домик у озера. И женщина, к которой мой генерал ездил три года.Двадцать четыре года я была его женой. Ждала со службы, растила дочь, поддерживала после отставки. Когда муж заболел, я ночами сидела рядом, не зная самого страшного: любовница бросила его, а утешала — я.— Я ведь остался с тобой, Вера.— Нет, Паша. Это она ушла от тебя.Теперь он просит простить измену. Взрослая дочь надеется, что мы помиримся. А я в сорок пять лет собираю вещи и впервые остаюсь одна.Я думала, самое страшное — потерять мужа. Но однажды встретила мужчину, с которым снова захотелось смеяться, целоваться и строить планы.Только генерал не готов отпустить меня. А я больше не хочу быть женщиной, которую выбирают лишь тогда, когда другая уходит.

© Руданская О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Термос до рассвета 5
Глава 2. Уже нет 15
Глава 3. Мой ключ 38
Конец ознакомительного фрагмента. 58

Олеся Руданская
Развод с генералом. Ты скучал по другой

Глава 1. Термос до рассвета

Павел искал термос так тихо, что разбудил меня на третьем кухонном шкафчике.

Сначала что-то звякнуло, потом покатилось по полу. Я приоткрыла глаза. На телефоне было без семи пять.

— В нижнем ящике, — сказала я, приподнявшись на локте.

Из кухни не ответили.

— Паша, под прихватками.

— Спи, я нашел.

Разумеется, после этого я встала.

В коридоре горела маленькая лампа. У двери стояли сапоги, сложенный стул и длинный чехол с удочкой. Поверх стула Павел положил теплую куртку, которую я безуспешно пыталась заставить его носить весь апрель.

Сегодня приготовил сам, без напоминаний.

Он стоял у кухонного стола в свитере, с термосом в одной руке и крышкой в другой. Короткие волосы после сна топорщились на затылке. Павел уже побрился, и от него пахло мылом.

— Крышка упала? — спросила я.

— Другая.

Он кивнул на маленькую кастрюлю у мойки.

— Термос искал в кастрюлях?

— Проверял все возможные места.

— А спросить сразу?

— Ты спала.

Я потянулась за чайником. Павел перехватил мою руку, но легко, двумя пальцами за запястье.

— Вер, я сам.

— Я уже встала.

— Вот напрасно.

Его ладонь была теплая. Он отпустил меня и отвернулся к столу, а я на секунду задержалась рядом. Хотелось еще постоять так, касаясь его плеча. Потом чайник щелкнул, и я открыла холодильник.

На столе лежали три ломтя хлеба, яблоко, нож в чехле и пачка салфеток.

— С сыром бутерброды сделаю?

— Я так поем.

Я все равно достала сыр. Павел наблюдал, как я заворачиваю бутерброды и складываю в контейнер.

— Ты меня на неделю собираешь?

— Если к вечеру не вернешься, продержишься.

Он усмехнулся. Совсем немного, уголком рта, но я заметила.

Еще в феврале я замечала каждую его улыбку: значит, сегодня лучше. А к вечеру ему опять ничего не хотелось, и я ходила по квартире тише.

За последние две недели стало легче. Павел трижды ездил на рыбалку, сам купил леску, долго выбирал стул со спинкой. Вчера вечером проверял прогноз и поставил будильник.

Я уже не помнила, когда он в последний раз ждал следующего дня.

— Сахар там есть?

— Есть, Вер.

Я закрыла сахарницу, хотя уже собиралась отсыпать ему несколько ложек в маленькую баночку.

Павел заметил мое движение.

— Я вчера все сложил. Не бегай.

— Я не бегаю.

— Ты даже сейчас стоишь на одной ноге.

Я посмотрела вниз. Действительно, босой ступней прижимала край подвернувшегося коврика.

— Это я думаю.

— Опасная поза для размышлений.

На этот раз улыбнулась и я.

Он взял контейнер, убрал в сумку. Термос я закрутила сама, перевернула над раковиной и убедилась, что не течет. Павел дождался, хотя уже поглядывал в сторону прихожей.

Он надел куртку, застегнулся и накинул на плечо сумку. Когда потянулся за чехлом, ненадолго замер, выпрямился осторожнее. Я сразу шагнула к нему.

— Давай стул донесу.

— Он легкий.

— Паша…

— До машины двадцать метров.

Я осталась возле двери.

Проблемы со спиной тянулись давно. Прежде он привычно отмахивался, переносил обследования, возвращался домой злой от боли и еще более злой от того, что я ее замечала. Потом пришлось лечиться, проходить освидетельствование, принимать решения, которые ему не нравились.

В ноябре служба закончилась.

В пятьдесят три года Павел стал генерал-майором внутренней службы в отставке. На бумаге добавилось два слова. Дома исчез человек, который прежде знал, что будет делать завтра.

Первые недели он еще вставал рано, звонил, разбирал бумаги. Потом все чаще оставался в постели, повернувшись к окну. Я спрашивала, что приготовить. Он говорил: все равно. Предлагала пройтись — не сейчас.

В январе Павел пошел к специалисту.

Слово «депрессия» он произнес сам, однажды вечером, когда я спросила, как прошел прием. Коротко, будто сообщил о поломке машины. Я тогда села рядом и взяла его за руку. Он не отнял ее. Мы долго сидели молча, и мне казалось, что главное уже произошло: теперь мы знали, с чем имеем дело.

Лечение продолжалось, состояние менялось. Но сегодня он хотел куда-то ехать. Поднялся раньше меня, приготовился, даже пошутил.

Я не собиралась портить это спором из-за стула.

— К четырем вернусь, — сказал Павел.

— На обед тебя ждать?

— Поешь без меня.

Он задержался на пороге, взглянул на мои босые ноги.

— И тапки надень.

— Есть.

Павел наклонился и коснулся губами моего виска. Быстро, привычно. Я успела придержать его за рукав, будто собиралась еще что-то поправить, но он уже взялся за ручку двери.

— Удачно тебе.

— Спасибо.

Я закрыла за ним и несколько секунд слушала, как едет лифт.

На кухонном столе остались сыр и нож. Я убрала их и поставила чашку под кофемашину.

Уже светало. Со двора донесся звук двигателя. Я подошла к окну и увидела, как Павел вырулил с парковочного места. На повороте притормозил, пропуская женщину с собакой.

Мне захотелось позвонить Даше и сказать, что папе, кажется, лучше. Но было слишком рано.

Я допила кофе одна.

К девяти передо мной лежали две распечатки, телефон и остывшая вторая чашка.

Клиентка прислала документы вечером, когда я уже закрыла ноутбук. Утром попросила посмотреть побыстрее: по ее подсчетам выходило, что поставщику заплатили дважды.

Я проверила выписку, открыла присланные файлы, снова вернулась к таблице.

Деньги ушли один раз. А вот один и тот же акт мне прислали сначала фотографией, потом сканом, причем с разными названиями файлов. На фотографии угол листа закрывал палец.

Я набрала клиентку.

— Оля, платеж один. Сейчас поправлю сверку.

— Точно?

— Да.

— А я уже им написала.

— Что именно?

На другом конце помолчали.

— Что мы с ними больше не работаем.

Я сняла очки и потерла переносицу.

— Тогда сначала допишите, что вопрос выясняется.

— Может, лучше позвонить?

— Лучше позвонить.

— Ой, — сказала Оля. — Это я сначала сама сфотографировала, а потом девочка из офиса прислала.

— Я догадалась.

Она облегченно засмеялась и спросила, успею ли я сегодня посмотреть еще одну вещь.

Я уже открыла рот, чтобы сказать «присылайте», но взглянула на список задач, прикрепленный к краю монитора.

— Завтра утром. Сегодня у меня работа для другого клиента.

— А там на пять минут.

— Сначала я посмотрю, что именно. Но сегодня не обещаю.

Сказав это, я почему-то почувствовала себя грубоватой.

Оля, впрочем, не обиделась. Поблагодарила, сказала, что сейчас позвонит поставщику, и отключилась.

Через минуту Оля прислала еще одну папку с документами.

Я не стала ее открывать.

Наталья позвонила, когда я дописывала письмо.

— У меня для тебя работа, — сказала она.

Я откинулась на спинку стула.

— Какая?

— Разовая. Мастерская, лодки, моторы. Два партнера. Хотят зимой работать в теплом помещении, а не закрываться до весны. Надо посмотреть, что у них с учетом, и посчитать, потянут ли они это дело.

— Учет в каком состоянии?

— На этот вопрос оба отвечают с большим достоинством. Что меня немного настораживает.

Я улыбнулась.

— Почему сама не возьмешь?

— Потому что придется ездить к ним, вытаскивать недостающее и отдельно сидеть над расчетом. У меня две проверки на носу. Обычное ведение я бы еще взяла, а такой объем сейчас некуда поставить.

Я подвинула к себе чистый лист.

— Сколько времени они дают?

— Начать хотят в начале июня. По сроку можно договориться. И по оплате тоже. Я тебя рекомендовала, но ничего за тебя не обещала.

— Где они находятся?

Наталья назвала улицу у городского лодочного причала.

Я записала. Потом рядом поставила вопросительный знак.

— Ты чего затихла? — спросила она.

— Думаю.

— Как Павел?

— На рыбалку уехал. Еще до пяти.

— Ну и хорошо.

Я покрутила ручку.

— Наташ, насчет мастерской… Я пока не знаю. У Паши прием на следующей неделе. И вообще сейчас не очень удобно брать много нового.

— Прием целую неделю займет?

— Нет, конечно.

— Тогда посмотри по своей работе. Если не помещается, так и скажи. Я найду кого-нибудь другого.

Мне не понравилось, как быстро она согласилась найти другого.

С осени я отказалась от двух клиентов и еще одного нового заказа. Сначала это казалось временной мерой. Павлу требовалось обследование, потом я не хотела оставлять его надолго одного. Было проще уменьшить нагрузку, чем каждый день выбирать, кому сейчас нужнее мое время.

Днем я отодвигала ноутбук, если муж не спал ночью или просил съездить с ним. Вечером садилась доделывать. При этом никому не могла толком объяснить, чем так занята. Клиентов стало меньше, дочь давно жила отдельно.

— Дай мне подумать до завтра, — сказала я.

— Хорошо. Только не считай им все заранее из чистого любопытства. Сначала договоритесь о цене.

— Я так не делаю.

— Вера.

— Почти не делаю.

— Вот и договорились.

После звонка я открыла календарь. В начале июня стояли обычные рабочие напоминания. Свободные дни тоже были.

Лист с названием мастерской я оставила рядом с компьютером.

Ближе к полудню Даша прислала два варианта обложки каталога.

«Второй лучше, — ответила я. — На первом название теряется».

«Я тоже так думаю. Заказчик хочет первый».

«Тогда зачем спрашивала?»

«Чтобы кто-нибудь был на моей стороне».

Я улыбнулась и спросила, обедала ли она. В ответ получила фотографию бутерброда.

«Папа как?»

«На озере».

«Опять?»

«Ему нравится».

«Хорошо. Передавай привет».

Я посмотрела на пустой стул Павла.

Мне хотелось рассказать, что папа шутил. Но за последние месяцы я слишком часто обнадеживала Дашу, а потом, отвечая на ее звонок, отходила подальше от нашей спальни.

Я закрыла переписку, разогрела суп и поела, не дожидаясь мужа.

К двум я закончила намеченную работу. Можно было погулять, зайти в книжный, просто пройтись без пакетов. Я даже переоделась для улицы. Но у холодильника заметила, что заканчивается молоко, и взяла хозяйственную сумку.

Из магазина вернулась с двумя полными сумками. По дороге присела во дворе и достала телефон.

От Павла было короткое сообщение: «Все нормально. Скоро выезжаю».

Я ответила: «Хорошо».

Набрала следом: «Скучаю».

Посмотрела на слово и отправила.

Ответа не было. Я убрала телефон в карман.

Дома разобрала сумки, вымыла зелень и достала картошку.

Павел приехал без четверти четыре.

Я услышала ключ и вышла в прихожую. Он стоял на коврике, придерживая сумку коленом, и пытался снять сапог, не наклоняясь слишком низко.

— Подожди.

Я забрала у него пакет. Павел оперся рукой о стену и разулся.

От куртки пахло холодной водой и дымком. Лицо обветрилось, возле глаз стали заметнее мелкие морщины. Он выглядел уставшим, но эта усталость была мне знакома и даже приятна. Так он раньше возвращался после долгой прогулки или целого дня на воздухе.

— Показывай, — сказала я.

— Что?

— Добычу.

— Сначала дай руки вымыть.

В пакете лежали четыре рыбины. Я поставила его в мойку.

— На ужин хватит, — заметил Павел, вернувшись.

— Если ты не рассчитываешь позвать все управление.

Он взглянул на меня, и я пожалела о шутке. Упоминаний прежней работы в последнее время старалась избегать.

Но Павел только открыл шкафчик.

— Управление обойдется.

Он достал доску, нож и большую миску.

— Я почищу.

— Паш, ты с самого утра на ногах.

— Я сидел.

— И ехал.

— И рыбу ловил, — добавил он. — Удивительное занятие. Надо будет еще раз попробовать.

Я засмеялась и отошла, освобождая ему место.

Павел придвинул к столу стул. Я расстелила под доской бумагу, он сел и занялся рыбой. Двигался неторопливо, временами морщился, меняя положение, но помощи не просил.

Я чистила картошку рядом.

— Хорошо было?

— Хорошо.

— Людей много?

— Утром почти никого. Потом приехали двое, дальше расположились.

Я бросила очищенную картофелину в кастрюлю.

Павел начал объяснять, как утром несколько раз дергался поплавок, а он торопился и вытаскивал пустой крючок. Показывал пальцами, где стояло удилище, как течение уводило леску.

Я слушала, радуясь, что он рассказывает.

— А потом что? — спросила я, когда он замолчал.

— Потом перестал дергать раньше времени.

— Сложное решение.

— Очень. Не всем доступно.

Он посмотрел на картофелину у меня в руке.

— Ты ее сейчас совсем обстругаешь.

Я опустила нож. Действительно, от довольно крупной картошки осталось немного.

— Заслушалась.

Павел качнул головой и вернулся к своей работе.

Мы возились на кухне почти час. Он убрал за собой чешую, протер стол, отнес снасти. Я поставила сковороду и открыла окно: в квартире стало тепло от плиты.

Пока рыба жарилась, Павел принял душ. Вышел в домашних брюках и чистой футболке, с влажными волосами.

— Ужин скоро?

Я едва не ответила привычное «сейчас», хотя до готовности оставалось еще несколько минут.

— Накрой пока на стол.

Он достал тарелки.

Я снова занялась рыбой: не хотелось, чтобы он заметил, как внимательно я за ним наблюдала.

Я передала привет от Даши. Павел кивнул и поставил на стол хлеб.

— Ты сама сегодня что делала?

Я рассказала про Олю, которая успела разорвать отношения с поставщиком, прежде чем выяснила, что произошло.

— И что он ей сказал?

— Не знаю. Надеюсь, дал договорить.

Павел усмехнулся.

— Иногда ей полезно, чтобы ее перебили.

— Это я как бухгалтер не могу ей рекомендовать. Хотя сама сегодня хотела отключить телефон.

Павел поднял глаза от тарелки.

— Надо было отключить.

— А вдруг ты позвонишь?

Он немного помолчал.

— Я бы еще раз набрал.

Я взяла кусок хлеба и промолчала: весь день я ждала его звонка.

— Наташа работу предложила, — сказала я.

— Какую?

— Проект для лодочной мастерской. Учет проверить и расходы на зимнюю работу посчитать.

— Ты согласилась?

— Еще нет.

— Почему?

Я пожала плечами.

— Надо посмотреть объем.

— Посмотри.

Он сказал это без особенного интереса и вернулся к ужину. Я почему-то почувствовала разочарование, хотя он не возражал и ничего неприятного не произнес.

Хотелось, чтобы спросил еще. Я ведь все утро думала об этом предложении.

— Вкусно? — спросила я.

— Да.

Павел подвинул ко мне блюдо, выбирая себе кусок поменьше.

— Ешь. Ты пока готовишь, все попробовать успеваешь, а потом сидишь с одной картошкой.

Я взяла рыбу.

За открытым окном проехала машина с громкой музыкой. Павел поморщился, и я встала прикрыть створку. Вернувшись, задела локтем хлебницу. Она качнулась, я успела поймать.

— Ты сегодня все проверяешь на прочность, — заметил он.

— Это семейное. Началось с крышки в пять утра.

— Я думал, ты не слышала.

— Я слышала, как ты старался, чтобы я не слышала.

Он рассмеялся.

И вдруг я вспомнила, как много лет назад он точно так же ходил по чужому гостиничному номеру, пытаясь в темноте найти мои туфли.

Мы тогда выбрались на три дня в маленький старый город. Даше было шесть. К вечеру первого дня пошел дождь, а назавтра не прекратился.

— Помнишь желтые сапоги? — спросила я.

Павел перестал жевать.

— Не начинай.

— Очень хорошие сапоги.

— Других моего размера не было.

— Я разве спорю?

Павел купил их в хозяйственном магазине, долго выбирая между сапогами и вторым днем в номере. Даша радовалась больше всех: папу теперь было видно издалека.

— У тебя на всех фотографиях ноги светились, — сказала я.

— Зато сухие.

Павел покачал головой, но улыбался.

Я помнила тот день: мокрые волосы под капюшоном, Дашины теплые пальцы, стакан с кофе, который мы с Павлом пили по очереди. Вечером заснула, едва стянув свитер, а утром проснулась от запаха кофе: муж сходил за завтраком и раскладывал все на столике у окна.

Туфли он искал, чтобы убрать с прохода. Боялся, что я ночью споткнусь.

— Надо Даше фотографию отправить, — сказала я.

— Только не ту, где я один.

— Конечно, ту, где ты один.

— Вера.

Я смотрела на него и улыбалась.

Он протянул руку через стол. Большим пальцем убрал с моего подбородка что-то крошечное, наверное, хлебную крошку. На мгновение задержал ладонь возле щеки.

Я повернулась к ней чуть сильнее, чем требовалось.

Павел убрал руку, но мягко, без торопливости, и попросил чаю.

Пока закипал чайник, я достала из его сумки контейнер. Бутерброды он съел. Термос был почти пустой.

Я вымыла все и поставила сушиться.

У меня было хорошее настроение. Такое обыкновенное, почти забытое. Хотелось распланировать что-нибудь приятное, пока Павел сидел рядом и не смотрел сквозь меня в стену.

— Давай в следующие выходные съездим вместе, — предложила я.

Он поднял голову.

— Куда?

— К озеру.

Павел посмотрел на термос возле мойки.

— Зачем?

Я не сразу ответила. Вопрос прозвучал так, будто я предложила сопровождать его на технический осмотр машины.

— Погулять. Посмотреть, где ты рыбачишь.

— Там особо смотреть нечего.

— Ты же говоришь, хорошо.

— Рыбачить хорошо.

Я разлила чай. Себе положила лимон, ему пододвинула сахарницу.

— Значит, ты будешь рыбачить. А я возьму книгу.

— У воды холодно.

— У меня тоже есть куртка.

Он провел ладонью по влажным еще волосам.

— Ты сама не любишь вставать в такую рань.

— Один раз встану.

Павел взял чашку. Разговор словно уже закончился, хотя я даже не успела толком объяснить, чего хочу.

Я села напротив.

— Мы полгода никуда вдвоем не выбирались.

Он опустил взгляд.

— У меня были другие заботы.

— Я знаю.

— Я не упрекаю, — добавила я. — Просто ты начал ездить. Тебе нравится. Мне тоже хочется с тобой.

Он молчал.

— Я не буду сидеть у тебя над душой и спрашивать, клюет или нет. Погуляю, почитаю. Потом пообедаем где-нибудь.

— Там негде обедать.

— Возьмем с собой.

Павел отставил чашку.

Я услышала, как громко звякнуло блюдце.

— Вера, я туда езжу побыть один.

Я замолчала.

Во мне сразу поднялось знакомое желание отступить. Сказать, что ничего страшного, пусть едет, а я займусь работой. Или встречусь с Наташей. Или наконец схожу в книжный.

Но я смотрела на мужа, с которым только что смеялась над желтыми сапогами, и никак не могла понять, почему один день рядом со мной оказался такой неприятной перспективой.

— Хорошо, — сказала я. — Ты порыбачишь один. А на другой день погуляем вместе. Можно снять где-нибудь домик на выходные, чтобы не мотаться туда и обратно.

— Не надо ничего снимать.

— Почему?

— Потому что не надо.

У него появился тот голос, которым он раньше заканчивал служебные разговоры: короткая фраза, после которой предполагалось исполнение.

Я уставилась на него.

Павел выдохнул.

— У меня там есть домик.

Я моргнула.

— В каком смысле есть?

— Снимаю.

Первым чувством было даже не подозрение. Недоумение. Я пыталась представить, когда он успел это сделать и почему ни разу не сказал.

— На эти выходные?

— Нет.

— На сезон?

Павел потянул к себе чашку, но пить не стал.

— Я давно его снимаю.

Я посмотрела на сумку у двери. На чистый термос, поставленный вверх дном. Еще утром я проверяла, не протекает ли крышка, клала лишний бутерброд, думала, как он будет весь день сидеть на холодном берегу.

— С прошлого года?

Он не ответил.

— Паша?

— Раньше.

Я медленно отодвинула от себя чашку.

Павел провел пальцем по краю блюдца, собрал рассыпавшийся сахар. Потом стряхнул его на пустую тарелку. Я следила за его рукой.

— И ты мне не сказал?

— Как-то не было случая.

Мы прожили вместе двадцать четыре года.

Я знала, где лежали его медицинские заключения, в каком кармане он обычно оставлял ключи, какую рубашку надевал, если предстоял неприятный разговор. Он сообщал мне, что в машине пора менять резину, что у бывшего сослуживца родился внук, что возле нашего дома перекрыли проезд.

Для домика у озера случая не нашлось.

— Ты там ночуешь? — спросила я.

Павел посмотрел мне в лицо.

— Сейчас нет.

Я задержалась на этом слове. Сейчас.

Он поднялся, забрал свою чашку и поставил в мойку, хотя чай еще оставался.

— Я устал, Вер. Давай потом.

Мне захотелось встать следом. Убрать тарелки, включить воду, занять руки. Все движения были привычными, и я даже успела подвинуть стул.

Потом остановилась.

— Покажи мне этот домик.

Павел обернулся.

— Что?

— В следующие выходные. Или завтра. Поедем вместе, ты покажешь.

Он стоял ко мне вполоборота. На лице уже не было улыбки.

— Тебе туда не надо.

Я смотрела на него и ждала, что он добавит что-нибудь еще. Что там грязно, что хозяин против гостей, что угодно.

Павел молчал.

Я отпустила спинку стула и снова села.

— Почему, Паша?

— Вера…

— Нет. Объясни мне, почему.

Глава 2. Уже нет

Павел отвернулся к раковине.

Несколько секунд я смотрела на его спину. Он стоял неподвижно, опустив руки на край столешницы. Вода из плохо закрытого крана капала в металлическую мойку.

— Паша, я тебя спрашиваю.

— Слышу.

— Тогда ответь.

Он закрыл кран и повернулся.

— Ты не понимаешь.

— Чего именно?

— Мне там спокойно. Я хочу, чтобы хоть одно место осталось, где меня никто ни о чем не спрашивает.

Я посмотрела на его лицо. За ужином он улыбался, вспоминая желтые сапоги. Сейчас от той улыбки ничего не осталось.

— Я ведь не собираюсь проверять, сколько рыбы ты поймал.

— Вера, не начинай.

— Я еще ничего не начала. Предложила провести вместе выходные. Ты ответил так, будто я собираюсь к тебе без приглашения в чужую квартиру.

Он отвел взгляд.

Я вдруг вспомнила, как месяц назад Павел попросил меня не перекладывать вещи в его машине. Я тогда искала запасную зарядку для телефона. Он сказал, что после моих поисков ничего невозможно найти. Я обиделась, но промолчала.

Раньше я не придавала этому значения. Теперь вспомнились и другие случаи, когда он раздражался из-за моих вопросов.

— Этот домик, — сказала я. — Ты давно его снимаешь?

— Да.

— Насколько давно?

— Какая разница?

— Для меня есть.

Он потер ладонью лоб.

— Почти два года.

Я медленно опустилась на стул.

Два года.

За это время мы отметили двадцать третью годовщину свадьбы. Даша сменила работу. Павел прошел несколько обследований. Мы купили новый холодильник, потому что старый перестал морозить.

И все это время где-то в часе езды от нашего дома у мужа было другое жилье.

— Зачем тебе домик на постоянной основе?

— Я же сказал, мне нравится там бывать.

— Но ты начал ездить на рыбалку только этой весной.

Павел поднял на меня глаза.

Я не планировала задавать этот вопрос. Он сам сложился из того, что муж только что рассказал.

— Чем ты занимался там раньше?

— Отдыхал.

— Один?

Он молчал.

Я почувствовала, как похолодели пальцы. Хотелось немедленно получить ответ, но одновременно я надеялась, что он не скажет ничего страшного.

— Паша, — произнесла я тише. — Ты там с кем-то встречаешься?

Он выдохнул через нос.

— Уже нет.

Я не сразу поняла смысл этих двух слов.

Посмотрела на него, ожидая продолжения. Мне казалось, что существует еще какое-то объяснение, которое он сейчас даст, и тогда все сказанное окажется обычным недоразумением.

— Что значит «уже нет»?

Павел потянулся к спинке соседнего стула и сел.

— Это было давно.

Я услышала, как за окном кто-то громко хлопнул автомобильной дверью.

— Что было?

— У меня были отношения.

Я обхватила ладонями чашку.

Чай давно остыл.

— Какие отношения?

Павел смотрел на меня так, словно не понимал, зачем я требую уточнений.

— С женщиной.

Я осторожно поставила чашку на стол. Побоялась уронить.

— Ты мне изменял?

— Да.

Он произнес это тихо, но отчетливо.

Я долго смотрела на его лицо. На небольшую царапину возле подбородка, которую заметила еще утром. На складку между бровями. На знакомые руки, лежавшие на столе.

Это был мой муж.

Человек, с которым я прожила двадцать четыре года, которого еще несколько часов назад провожала на рыбалку и целовала в щеку.

— Сколько времени? — спросила я.

— Вер...

— Сколько?

Он отвернулся к окну.

— Три года.

Я покачала головой.

— Нет.

Павел снова посмотрел на меня.

— Вера...

— Я спросила, сколько времени ты мне изменял.

— Я ответил.

— Три года?

— Да.

Мне захотелось встать. Я даже уперлась ладонями в край стола, но ноги почему-то не слушались.

Три года нельзя было назвать случайностью. Нельзя было объяснить одним неудачным вечером, выпитым лишним или внезапным увлечением.

За три года нужно было сотни раз принимать решения. Звонить, договариваться о встречах, находить время, возвращаться домой.

Разговаривать со мной.

— Кто она?

— Ты ее не знаешь.

— Я спросила, кто.

Павел помолчал.

— Марина Сазонова.

Имя ничего мне не сказало.

— Сколько ей лет?

— Сорок один.

Я посмотрела на свои руки.

Мне было сорок пять.

Разница составляла четыре года. Совершенно обычная разница, на которую прежде я не обратила бы внимания. Но сейчас почему-то захотелось спросить, как она выглядит. Высокая ли, худая, какие у нее волосы.

Я удержалась.

— Где ты с ней познакомился?

— На одном мероприятии. Она занималась организацией.

— Служебном?

— Да. Потом мы начали общаться.

— Она знала, что ты женат?

— Знала.

Я кивнула.

Еще одна подробность, которую теперь предстояло как-то вместить в прежнюю жизнь.

— А Дашу она знала?

— Нет. Они не встречались.

— Я не об этом. Она знала, что у тебя дочь?

— Конечно.

Я отвернулась.

На подоконнике стояла небольшая керамическая миска с засохшим отростком герани. Я несколько раз собиралась пересадить его, но все откладывала. Теперь смотрела на треснувшую землю, потому что не могла смотреть на мужа.

— Ты ездил к ней туда? В этот домик?

— Да.

— Все три года?

— Нет. Сначала мы встречались в городе. Потом я снял дом.

Я вспомнила его поездки за город. Иногда Павел говорил, что собирается посидеть с сослуживцами. Иногда оставался на ночь после какого-нибудь мероприятия.

Я не любила расспрашивать.

У него была работа, которую он считал тяжелой и ответственной. Он уставал. Мне казалось правильным не требовать подробного отчета о каждом свободном вечере.

— Когда ты говорил, что уезжаешь с ребятами, ты был с ней?

— Не всегда.

Я закрыла глаза.

Не всегда.

Какое удивительное облегчение он, наверное, ожидал вызвать этими словами.

— А когда говорил, что задержался по работе?

— Вера, я не могу сейчас вспомнить каждый случай.

— Я тоже не могу.

У меня дрожал голос.

— Но ты хотя бы знаешь, какие именно поездки были ложью. А я сейчас даже не понимаю, что из нашей жизни было настоящим.

Павел потянулся ко мне через стол.

Я отдернула руку.

Он остановился.

— Послушай, — сказал он. — Я понимаю, что это выглядит ужасно.

— Выглядит?

— Я неправильно выразился.

— Ты три года спал с другой женщиной. Тут дело не в том, как это выглядит.

Он сжал губы.

— Да. Ты права.

Меня внезапно затошнило.

Я поднялась, держась за стол, и вышла в коридор. Павел окликнул меня, но я не ответила.

В ванной включила холодную воду и долго держала под ней руки. Потом умылась, промокнула лицо полотенцем.

В зеркале отражалась женщина в домашней футболке с маленьким пятном от соуса возле ворота.

Я вспомнила, что испачкалась за ужином, когда торопилась поставить на стол рыбу.

Вполне обычный ужин.

Еще полчаса назад.

Я взяла зубную щетку, хотя чистить зубы не собиралась. Поставила обратно. Села на закрытую крышку унитаза и попыталась понять, что теперь делать.

Павел постучал.

— Вер, тебе плохо?

Я открыла дверь.

Он стоял в коридоре, придерживаясь рукой за косяк.

— Воды принести?

— Нет.

— Может, сядешь?

— Я только что сидела.

Он опустил руку.

Я прошла мимо него и вернулась на кухню. На столе стояли наши чашки. На блюде оставался кусок рыбы.

Хотелось убрать все это, вымыть посуду и закрыть кухню до утра.

Вместо этого я села.

Павел пришел следом.

— Мне нужно знать, когда это закончилось, — сказала я.

— В декабре.

— Какого года?

Он назвал прошлый год.

Я медленно выпрямилась.

— В декабре?

— Да.

— Перед Новым годом?

Павел кивнул.

Я помнила тот декабрь.

В конце ноября Павел окончательно ушел со службы. Первое время мы еще встречались со знакомыми, принимали звонки. Ему предлагали посидеть в компании, куда-нибудь съездить.

Он почти всегда отказывался.

К середине декабря перестал нормально спать. Вставал ночью, ходил по квартире, потом садился перед телевизором и смотрел передачу без звука.

Я спрашивала, что его тревожит.

Он говорил, что не может привыкнуть.

Я понимала. Думала, что после стольких лет службы невозможно за одну неделю научиться жить иначе.

В январе Павел сам сказал, что ему нужна помощь. Я записала номер клиники, но позвонил он туда самостоятельно. На первый прием я отвезла его на машине, потому что он почти не спал и выглядел очень уставшим.

Потом началось лечение.

Я стала внимательнее следить, ест ли он, выходит ли на улицу. Несколько раз отменяла рабочие встречи, потому что не хотела оставлять его одного в особенно тяжелые дни.

В феврале он однажды заплакал.

Я нашла его на кухне около трех ночи. Он сидел с опущенной головой, а когда я обняла его, сначала попытался отвернуться. Потом положил лицо мне на плечо.

Я ничего не спрашивала.

Гладила его по волосам и повторяла, что мы справимся.

Я была уверена, что он оплакивал потерянную службу, привычную жизнь, себя прежнего.

А в декабре от него ушла другая женщина.

— Она тебя бросила? — спросила я.

Павел потер ладонями лицо.

— Мы расстались.

— Кто решил?

— Марина.

Я почувствовала, как у меня внутри все сжалось.

— Почему?

— Она устала ждать.

— Чего?

Он молчал.

Я вдруг испугалась, что сейчас услышу ответ, после которого уже никогда не смогу забыть этот вечер.

Но продолжала смотреть на него.

— Чего она ждала, Павел?

— Чтобы все определилось.

— Что именно?

— Наши отношения.

Я опустила взгляд на стол.

— Ты обещал ей уйти от меня?

— Я говорил, что нужно время.

— На что?

— Вера, это длинная история.

— У меня теперь достаточно времени.

Он отвел глаза.

— Мы много обсуждали будущее. Но я не собирался бросать семью.

Я услышала только последнее слово.

Семью.

Его семью, которой он три года изменял.

Я снова посмотрела на него.

— А она думала, что ты собираешься?

— Она хотела, чтобы мы были вместе.

— Откуда у нее взялась такая надежда?

Павел не ответил.

Я не стала добиваться ответа сразу. Мне уже было трудно дышать ровно.

Вместо этого спросила:

— Когда она ушла, тебе стало хуже?

Он посмотрел на меня с такой усталостью, что прежде я немедленно прекратила бы разговор.

Теперь ждала.

— Все наложилось, — произнес Павел. — Отставка, лечение, постоянные боли. Я ничего не хотел. Ты же видела.

— Видела.

— Мне правда было плохо, Вера.

— Я знаю.

— Это не было притворством.

— Я и не говорю, что ты притворялся.

Он чуть расслабил плечи.

Наверное, решил, что я наконец поняла.

— Просто тогда было очень тяжело, — продолжил он. — Я потерял работу, потом отношения закончились. Все сразу.

Я смотрела на его лицо.

Он говорил о расставании с другой женщиной так же, как об окончании службы.

— Ты по ней скучал? — спросила я.

Павел не ответил.

— Все эти месяцы?

— Вера...

— Когда ты ночами не спал. Когда я сидела с тобой. Когда спрашивала, что случилось.

Он посмотрел на свои руки.

Я вдруг поняла, что ответ уже получила.

Мне стало невыносимо сидеть за одним столом с человеком, которого я так долго жалела.

— Ты знаешь об этом три года, Паша. Я — десять минут. Не проси меня сейчас тебя понять.

Павел открыл рот, но я подняла руку.

— Мне нужно немного помолчать.

Он остался сидеть.

Я смотрела на пустую тарелку и пыталась вспомнить, сколько раз за последние месяцы говорила ему, что все наладится.

Особенно отчетливо вспомнился один январский вечер.

Павел почти ничего не ел. Я приготовила его любимые котлеты, но он отодвинул тарелку. Я не обиделась. Разогрела суп, принесла на маленьком подносе и села рядом.

Он съел несколько ложек.

Я тогда так обрадовалась, что позвонила Наталье и рассказала: Паша сегодня поел нормально.

Наталья спросила, когда в последний раз нормально ела я.

Я отшутилась.

Теперь вспомнила этот разговор и почувствовала почти физическую неловкость.

Не из-за того, что заботилась о больном муже.

Из-за того, что он знал гораздо больше меня и позволял мне жить в совершенно другой истории.

— Почему ты мне не сказал? — спросила я.

Павел пошевелился.

— Боялся тебя потерять.

— А когда заводил роман, не боялся?

Он не ответил.

— Когда снимал домик, тоже?

— Вера, я понимаю, что виноват.

— Тогда зачем ты продолжал?

— Я не могу объяснить все одной фразой.

— Попробуй несколькими.

Он тяжело вздохнул.

— Сначала мне казалось, что ничего серьезного не происходит. Потом стало слишком поздно просто прекратить общение.

— Почему поздно?

— Мы привязались друг к другу.

Он сказал это и сразу посмотрел на меня.

Я ощутила боль так ясно, что на секунду пришлось задержать дыхание.

Привязались.

Он к ней привязался.

А дома оставалась я. Покупала продукты, планировала отпуск, встречала его после поездок. Иногда ждала до полуночи, иногда ложилась одна.

Все это время он привязывался к другой женщине.

— И тебе ни разу не захотелось сказать мне правду?

— Хотелось.

— Когда?

Он потер шею ладонью.

— Несколько раз.

— Что мешало?

— Я понимал, что будет скандал, развод. Даша...

— Даше двадцать три года. Три года назад было двадцать.

— Я знаю, сколько ей лет.

— Тогда не надо сейчас прятаться за нее.

Павел выпрямился.

— Я не прячусь.

— Ты только что назвал ее.

Он замолчал.

Я устала от вопросов. Но в голове появлялись новые, и каждый казался важнее предыдущего.

— Ты ее любил?

Павел надолго задумался.

Я с ненавистью заметила, что жду его ответа, словно от него еще что-то зависело.

— Я к ней очень привязался, — сказал он наконец.

— Ты уже говорил.

— Да, чувства были.

— Какие?

— Вера, я не хочу делать тебе еще больнее.

Я посмотрела на него.

— Ты думаешь, если не назовешь это любовью, мне будет легче?

Он отвел взгляд.

Я откинулась на спинку стула и закрыла лицо руками.

Мне хотелось перестать спрашивать.

Но одновременно хотелось узнать все до последнего слова: как она выглядела утром, что он ей говорил, какие подарки покупал, как называл ласково.

Я понимала, что ни один ответ не вернет мне прежнюю жизнь.

И все равно хотела знать.

Павел осторожно произнес:

— Вер, посмотри на меня.

Я убрала руки.

— Я тебя люблю.

Он сказал это спокойно, глядя прямо.

Еще вчера мне хотелось бы услышать именно эти слова.

Теперь я не знала, что с ними делать.

— И ее любил?

— Это другое.

Я коротко рассмеялась.

— Конечно.

— Не надо так.

— Как?

— Ты сейчас все, что я скажу, повернешь против меня.

Я посмотрела на него с удивлением.

— Ты серьезно?

Павел потер лоб.

— Я не это имел в виду.

— А что? Что тебе неудобно отвечать на вопросы жены после трех лет измены?

Он опустил голову.

Я вдруг заметила, что на столе остался мой телефон. Экран погас. Даша могла позвонить, Наталья могла прислать сообщение, клиентка — документы.

Я взяла телефон и проверила уведомления.

Даша прислала фотографию смешного пса, который уснул на диване в неудобной позе.

«Это я после пятницы», — написала она.

Я посмотрела на фотографию и не смогла улыбнуться.

Павел заметил телефон.

— Даша?

— Да.

— Ты ей ничего не говори пока.

Я медленно подняла глаза.

— Почему?

— Не нужно ее втягивать.

— Я пока вообще не знаю, что ей говорить.

Он кивнул.

— Давай сначала сами разберемся.

Сами.

Я положила телефон экраном вниз.

— Покажи мне договор на этот домик.

Павел помолчал.

— Зачем?

— Хочу знать, где ты проводил время.

— Я сказал тебе правду.

— Ты только сейчас начал ее говорить.

Он встал.

Я подумала, что снова откажется. Но Павел ушел в кабинет и через пару минут вернулся с телефоном.

Открыл папку с документами, нашел файл и протянул мне.

Это был обычный договор аренды. Адрес, фамилия владельца, размер ежемесячной платы. Дата заключения почти два года назад. Потом несколько продлений.

Я читала, хотя смысл большинства пунктов меня не интересовал.

Смотрела на цифры.

На даты.

На адрес.

Дом находился на другой стороне озера от места, где мы когда-то отдыхали с Дашей.

Павел стоял рядом.

— Ты все это время платил аренду? — спросила я.

— Да.

— С какого счета?

Он назвал банк.

Я знала, что у мужа был отдельный счет для личных расходов. Мы никогда не проверяли каждую покупку друг друга. Он переводил деньги на общие нужды, оплачивал свои вещи, подарки, поездки. Я вела домашние расходы, но не устраивала ревизий.

Мне не приходило в голову спрашивать, не оплачивает ли он со своего счета жилье для встреч с любовницей.

— И сколько ты потратил за все это время?

Павел посмотрел на договор.

— Не считал.

— Ты серьезно?

— Я могу посчитать, если тебе нужно.

Я покачала головой.

Сейчас меня интересовали не деньги. Но сама мысль о том, сколько общих семейных средств он тратил на другую жизнь, была неприятной.

— Вы там ночевали?

— Да.

— Вместе?

Он молча кивнул.

Я вернула телефон.

— Понятно.

Хотя мне ничего не было понятно.

— А зачем ты до сих пор его снимаешь? — спросила я. — Если она ушла еще в декабре.

Павел убрал телефон.

— Не знаю. Сначала не хотел ничего менять. Потом начал ездить туда один.

— Ждал, что она вернется?

Он посмотрел на меня.

— Нет.

Слишком быстро.

Я уже не могла определить, когда он говорил правду.

— Марина сейчас там бывает?

— Нет. Она ключи вернула.

— В декабре?

— Да.

— И больше вы не встречались?

— Нет.

Я смотрела на него.

Он выдержал мой взгляд, но мне это ничего не дало.

— Рыба сегодня настоящая? — спросила я неожиданно для самой себя.

Павел нахмурился.

— Что?

— Ты действительно ездил рыбачить?

— Конечно.

— Или снова туда, к кому-то?

— Вера, я был один. Я сейчас езжу туда рыбачить. Ты же сама видела рыбу.

Я посмотрела на блюдо с остатками рыбы.

Мне стало стыдно, что я задала такой вопрос. Но не за себя — за ситуацию, в которой оказалось невозможно доверять даже очевидному.

Павел сел.

— Послушай, — сказал он. — Я понимаю, что сделал очень плохо. Но все уже закончилось. Мы можем попробовать начать сначала.

Я медленно повернулась к нему.

— Что закончилось?

— Отношения с Мариной.

— Для тебя.

— Да, для меня.

— А для меня только началось.

Он потер ладони.

— Я не хочу разводиться.

Я почувствовала, как снова задрожали пальцы.

Слово «разводиться» прозвучало впервые.

До этой минуты я даже не произносила его мысленно. Пыталась понять, как муж мог обманывать меня три года, почему я ничего не замечала, как теперь жить с этим знанием.

Павел уже думал о разводе.

Вернее, о том, как его избежать.

— Ты ведь понимаешь, что я не могу сейчас просто простить? — спросила я.

— Понимаю.

— Тогда зачем говоришь про начало сначала?

— Потому что я хочу сохранить семью.

— А последние три года?

— Я совершил ошибку.

Я покачала головой.

— Ошибка — это когда перепутал дату. Или забыл что-то купить. Ты три года встречался с другой женщиной, снимал для вас дом и каждый раз возвращался ко мне.

Павел сжал губы.

— Я не собираюсь оправдываться.

— Но ты оправдываешься.

— Я пытаюсь объяснить.

Я посмотрела на часы.

Было почти девять.

Мы говорили больше часа. За окном совсем стемнело.

Павел выглядел измученным. Ему было неудобно сидеть, он несколько раз менял положение, но не вставал. Я заметила и машинально хотела предложить подушку под спину.

От этого желания мне стало еще хуже.

Даже сейчас я следила, не болит ли у него спина.

— Я хочу побыть одна, — сказала я.

Павел поднял глаза.

— Куда ты пойдешь?

— В Дашину комнату.

— Вера...

— Сегодня я не могу спать рядом с тобой.

Он опустил голову.

Я встала. На кухне нужно было убрать посуду, но я прошла мимо стола.

У двери остановилась.

— На следующей неделе у тебя прием, — сказала я.

— Помню.

— Не отменяй.

— Не отменю.

Я кивнула и вышла.

Дашина комната почти не изменилась после ее переезда.

У стены стоял письменный стол, на котором лежала стопка старых журналов. В шкафу оставались несколько платьев, лыжные штаны и коробка с украшениями, которые дочь не захотела забирать.

Я достала чистое белье из комода и застелила кровать.

Когда наклонялась, из-под подушки выпала тонкая резинка для волос. Синяя, с маленькой пластмассовой звездочкой.

Я подняла ее и несколько секунд держала в ладони.

Даша давно перестала пользоваться такими резинками.

Я вспомнила, как Павел учил ее кататься на велосипеде. Дочь боялась, что отец отпустит седло, а он бежал рядом, придерживая велосипед.

Когда она впервые поехала сама, Павел остановился и смотрел вслед с таким удивлением, будто не ожидал, что у нее получится.

Потом подхватил Дашу на руки, а она кричала, что уже большая и ее нужно поставить.

Мы смеялись втроем.

Я села на кровать.

Мне было трудно совместить того мужчину с человеком, который только что рассказал о трехлетней связи.

Они были одним и тем же Павлом.

Я не могла вычеркнуть хорошие годы. И не могла притвориться, что последних трех лет не было.

Телефон завибрировал.

Наталья прислала: «Не забудь про мастерскую. Я сказала, что завтра отвечу».

Я прочитала сообщение дважды.

Потом написала:

«Помню. Завтра позвоню».

Она поставила сердечко.

Я выключила звук.

За стеной прошел Павел. Слышно было, как он открыл шкаф, затем налил воду.

Я привыкла прислушиваться к этим звукам.

Зимой, когда ему было особенно тяжело, я часто просыпалась от малейшего движения. Вставала, проверяла, не сидит ли он снова на кухне, спрашивала, нужна ли помощь.

Сегодня мне хотелось закрыть дверь и никого не слышать.

Закрыть дверь до конца я все-таки не смогла.

В половине двенадцатого Павел тихо постучал.

— Вер, ты спишь?

— Нет.

— Я могу войти?

Я помолчала.

— Да.

Он открыл дверь не до конца.

В коридоре горел свет. Павел стоял босиком, в той же домашней футболке.

— Я хотел извиниться.

Я села, подтянув одеяло к коленям.

— За что именно?

Он опустил глаза.

— За все, что сделал.

— Паша, я не могу сейчас разговаривать.

— Я понимаю.

Он остался стоять.

— Ты мне когда-нибудь простишь? — спросил он.

Мне хотелось ответить, что да.

Очень хотелось.

Сказать, что мы еще разберемся, что я постараюсь, что не нужно ему так волноваться. Успокоить, как делала много лет подряд.

Я посмотрела на мужа.

— Я не знаю.

Он медленно кивнул.

— Хорошо.

Павел прикрыл дверь.

Через несколько минут щелкнул выключатель, и полоска света под дверью исчезла.

Я легла и долго смотрела в потолок.

Утром зазвонил будильник.

Тот самый, который я поставила еще вчера, собираясь заняться работой.

Я выключила его и некоторое время лежала неподвижно.

Было странно проснуться в своей квартире и не понимать, как провести обычный день.

За окном светило солнце. На улице кто-то стриг траву. С нижнего этажа доносился шум ремонта.

Я встала, переоделась и вышла на кухню.

Павел сидел за столом с чашкой чая.

Он поднял голову.

— Доброе утро.

Я не ответила сразу.

Потом сказала:

— Доброе.

На столе лежали два ломтика хлеба и открытая пачка сыра. Видимо, он сам приготовил завтрак.

Это было совершенно обычное зрелище. Но я вдруг подумала, что годами автоматически принимала на себя множество мелких дел, хотя Павел умел делать их самостоятельно.

Я включила кофемашину.

Он следил за мной.

— Ты спала?

— Немного.

— Я тоже.

Раньше я спросила бы, сколько часов, не болела ли спина, как он себя чувствует. Сегодня не смогла.

Павел отодвинул чашку.

— Давай поговорим спокойно.

— Мы вчера разговаривали.

— Я хочу, чтобы ты меня услышала.

Я поставила кофе на стол.

— Я тебя услышала, Паша.

— Тогда почему ты ведешь себя так, будто я тебе чужой?

Я посмотрела на него.

Он почти сразу отвел взгляд.

— Неудачно сказал.

— Да.

Павел потер переносицу.

— Я всю ночь думал. Я понимаю, что тебе больно. Но у нас двадцать четыре года за плечами.

— Я знаю, сколько мы женаты.

— Разве все хорошее можно просто перечеркнуть?

Я села напротив.

— Это ты у меня спрашиваешь?

Он замолчал.

Мне хотелось объяснить, что я не собиралась ничего перечеркивать. Что вчера, до его признания, у меня было множество хороших воспоминаний, которые я берегла.

Но теперь каждое из них приходилось рассматривать заново.

Я не знала, где между нашими семейными праздниками, поездками и разговорами находилась другая женщина.

— Когда мы в прошлом году собирались в театр, — спросила я, — ты сказал, что тебя вызвали по работе. Ты тогда был с ней?

Павел нахмурился.

— Какой театр?

— Мы купили билеты на субботу. Ты попросил отдать их Наташе.

Он некоторое время вспоминал.

— Кажется, тогда действительно было совещание.

— Кажется?

— Вера, я не помню все даты.

Я отвернулась.

Возможно, он говорил правду. Возможно, нет.

Я могла провести ближайшие месяцы, перебирая каждую его поездку за последние три года. Спрашивать, с кем он был, куда ходил, что говорил.

И все равно никогда не узнать всего.

— Мне нужно работать, — сказала я.

— Я тебе мешаю?

— Сейчас нет.

Павел поднялся.

— Тогда не буду.

Он забрал чашку и ушел в спальню.

Я открыла ноутбук.

На экране оставалась вчерашняя таблица. В ячейках стояли суммы, которые нужно было проверить и перенести в отчет.

Я посмотрела на первую строку.

Потом на вторую.

Через десять минут обнаружила, что уже три раза сверяю одну и ту же цифру.

Сохранила файл и встала.

В квартире было тихо.

Павел лежал в спальне. Дверь была приоткрыта, но я не стала заглядывать.

Вернулась к столу и снова открыла документы.

К полудню удалось закончить один небольшой расчет. Я проверила его дважды, отправила клиенту и почувствовала огромное облегчение.

Почти сразу зазвонил телефон.

— Вер, привет, — сказала Наталья. — Я не вовремя?

Я посмотрела на закрытую дверь спальни.

— Нет.

— Ты по поводу мастерской подумала?

Я хотела сказать, что сейчас мне не до новых клиентов.

Но внезапно поняла: если останусь дома и буду целыми днями думать о Павле, легче не станет.

Работа была единственным делом, в котором я хотя бы примерно знала, что нужно делать.

— Подумала, — ответила я. — Давай сначала узнаем объем.

— Хорошо. Я передам твой номер.

— Наташ...

Она помолчала.

— Что?

Я открыла рот и не смогла произнести ничего связного.

Из спальни донесся короткий кашель Павла.

Я встала и вышла на балкон, прикрыв за собой дверь.

— Вера? — позвала Наталья.

— Паша мне изменял.

На другом конце стало тихо.

Я смотрела на двор. Возле детской площадки молодая женщина поправляла коляску. Рядом шел мальчик в зеленой кепке и что-то настойчиво ей рассказывал.

— Ты сейчас одна? — спросила Наталья.

— Павел дома.

— Давно узнала?

— Вчера.

— Господи.

Я потерла ладонью лицо.

— Три года, Наташ. Три года.

Она не стала спрашивать, уверена ли я. Не предложила проверить телефон мужа или найти любовницу.

— Ты хочешь, чтобы я приехала?

Я подумала.

— Пока нет.

— Хорошо. Могу вечером.

— Не знаю, что мне делать.

— Ты ела сегодня?

Я вспомнила остывший кофе, так и оставшийся на кухонном столе.

— Кажется.

— Вер.

— Не начинай.

— Ладно. Не буду.

Мы немного помолчали.

Потом я спросила:

— Ты знаешь кого-нибудь, кто сдает квартиру?

Наталья не ответила сразу.

— Снять хочешь?

— Да.

— Насовсем?

— Пока не знаю.

Я прислонилась плечом к стене.

— Мне нужно пожить отдельно. Я не могу с ним сейчас находиться в одной квартире.

— У меня соседка недавно уехала к дочери. Ее квартира пустая. Она как раз говорила, что хотела бы сдать на полгода.

— Где?

Наталья назвала район.

Я знала этот дом. Обычная девятиэтажка, недалеко от остановки. Ничего особенного, но до центра можно было доехать без пересадок.

— Сколько просит?

— Сейчас уточню.

— И что там с мебелью?

— Стол есть, диван, шкаф. Кухня нормальная. Я там была.

Я вспомнила синюю Дашину резинку, которую вчера держала в ладони, и крепче прижала телефон к уху.

— Наташ, я не хочу, чтобы ты решила, будто я уже все продумала.

— Я так не решила.

— Я до сих пор не понимаю, как это произошло.

— Про квартиру просто узнаю. Посмотришь, а потом решишь.

Я выдохнула.

— Спасибо.

— И по мастерской не переживай. Если не захочешь, я им другого человека найду.

— Нет. Я хочу хотя бы встретиться и поговорить.

— Хорошо.

Она немного помолчала.

— Вера, ты можешь мне позвонить вечером. Даже если ничего нового не случится.

Я кивнула, хотя она меня не видела.

— Позвоню.

После разговора я еще несколько минут стояла на балконе.

Двор постепенно пустел. Женщина с коляской ушла, дворник собрал траву в большие черные мешки.

Из квартиры послышались шаги.

Я вошла.

Павел стоял возле холодильника.

— С кем разговаривала?

— С Наташей.

— О чем?

Раньше я без раздумий рассказала бы все.

Сейчас положила телефон на стол.

— О работе.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Ты ей сказала?

Я не стала делать вид, что не поняла.

— Да.

Павел закрыл холодильник.

— Зачем?

— Мне нужно с кем-то поговорить.

— Ты могла поговорить со мной.

Я уставилась на него.

— Мы вчера разговаривали несколько часов.

— Я имею в виду, если тебе плохо.

Мне захотелось рассмеяться, но я удержалась.

— А ты правда думаешь, что сейчас можешь меня утешить?

Павел опустил глаза.

— Я не хотел, чтобы об этом знали посторонние.

— Наташа моя подруга. Мы знакомы больше двадцати лет.

— Я знаю.

— И она не посторонняя.

Он не стал спорить.

Открыл холодильник, достал контейнер с оставшейся рыбой и поставил на стол.

— Будешь обедать?

Я посмотрела на него.

Еще вчера этот вопрос показался бы мне проявлением заботы.

Сегодня он прозвучал настолько обычно, что у меня защипало в глазах.

— Нет, спасибо.

— Ты почти ничего не ела.

— Я потом поем.

Павел поставил контейнер обратно.

— Вер, мы так долго не выдержим.

Я медленно села.

— Как именно?

— Ты не смотришь на меня, не разговариваешь. Я понимаю, что виноват, но...

— Еще и суток не прошло.

— Я знаю.

— Ты вчера вечером рассказал мне, что три года жил с другой женщиной. А сегодня уже говоришь, что мы долго так не выдержим.

— Я сказал, что встречался с ней. Не жил.

Я подняла глаза.

Он понял, что поправил не то.

— Извини.

Я посмотрела на холодильник.

— Ты не представляешь, как мне сейчас трудно находиться здесь.

— Это наш дом.

— Именно.

Павел опустился на стул.

— Ты думаешь уйти?

Я молчала.

Он долго смотрел на меня.

— Вера?

— Да.

Его лицо изменилось.

— Куда?

— Пока не знаю. Хочу снять квартиру.

— Зачем?

Я не сразу нашла слова.

— Мне нужно пространство, в котором я не буду каждую минуту вспоминать вчерашний разговор.

Павел потер руки.

— Можно я уеду на несколько дней? Ты останешься дома.

Я посмотрела на него.

Он впервые предложил что-то, что не требовало от меня усилий.

Но мне уже хотелось уйти самой.

— Нет, Паш. Я хочу пожить отдельно.

— Ты собираешься разводиться?

Слово снова прозвучало между нами.

Я не ответила сразу.

Я ведь действительно еще не решила окончательно. Вчера не могла даже представить себя без Павла. Сегодня уже искала отдельное жилье.

Мне было страшно от того, как быстро менялась жизнь.

— Я не знаю, что будет дальше, — сказала я. — Но сейчас оставаться не могу.

Павел кивнул, потом поднялся.

— Хорошо. Давай хотя бы пару дней не будем принимать решений.

Я посмотрела на него.

— Ты сам спросил.

— Я спрашивал, что ты собираешься делать.

— Я ответила.

Он отвернулся.

Я видела, что ему тяжело. И мне снова захотелось подойти, положить руку на плечо, сказать, что все не так страшно.

Но я осталась сидеть.

Вечером я вышла из дома.

Сказала Павлу, что хочу прогуляться. Он предложил подвезти, но я отказалась.

На улице было тепло. После дождя пахло мокрой землей и молодой листвой.

Я шла без определенной цели. Сначала по нашей улице, потом свернула к небольшому скверу. На скамейке сидели две женщины с пакетами, рядом мальчишки гоняли мяч.

Обычный весенний вечер.

Я зашла в небольшую кофейню, взяла кофе и села у окна.

Телефон лежал передо мной.

Наталья прислала адрес квартиры, несколько фотографий и предполагаемую стоимость аренды.

«Хозяйка будет дома послезавтра. Можешь посмотреть после обеда».

Я увеличила фотографию.

Небольшая кухня. Светлые шкафчики, узкий стол возле окна. В комнате раскладной диван, письменный стол, шкаф и телевизор на тумбе.

Все выглядело чистым, немного безликим.

На одной фотографии была открытая форточка. За окном росла береза.

Я поймала себя на мысли, что за этим столом можно работать.

Потом подумала, куда положу документы, где буду хранить рабочие папки.

На эти вопросы я хотя бы могла ответить.

Я написала Наталье:

«Посмотрю».

Через минуту она ответила:

«Позвоню хозяйке».

Я убрала телефон и стала пить кофе.

Он оказался слишком горячим. Я обожгла язык и поставила стакан на стол.

Впервые за сутки мне захотелось пожаловаться на что-то совершенно незначительное.

Раньше я позвонила бы Павлу.

Рассказала, что купила ужасный кофе, спросила, что он хочет на ужин, уточнила, не нужно ли зайти в аптеку.

Я сидела у окна и представляла, как наберу его номер.

Он ответит. Спросит, где я. Возможно, предложит приехать. Я услышу знакомый голос.

И на несколько минут мы снова станем обычными супругами.

Я взяла телефон.

Открыла нашу переписку.

Последним моим сообщением было вчерашнее «Скучаю».

Павел на него не ответил.

Я долго смотрела на эту строчку.

Потом закрыла переписку и убрала телефон.

Домой вернулась около девяти.

Павел сидел в гостиной. Телевизор работал без звука.

На столике стояли стакан воды и упаковка лекарства, назначенного специалистом.

Я заметила их сразу.

Несколько месяцев я знала, где лежали его назначения, когда был следующий прием, что нужно купить в аптеке. Сейчас даже вид упаковки отозвался тревогой.

Павел выключил телевизор.

— Где была?

— Гуляла.

— Долго.

— Да.

Я сняла куртку.

Он поднялся.

— Я подумал, может, куда-нибудь вместе съездим. Не на рыбалку. Просто на выходные. Ты ведь давно хотела.

Я посмотрела на него.

— Куда?

— Ты говорила про старые города. Можно выбрать что-нибудь недалеко.

Мне вдруг захотелось заплакать.

Я годами предлагала такие поездки. Павел отвечал, что занят, устал, что в отпуске лучше отдохнуть дома или поехать туда, где не нужно много ходить.

Теперь он вспомнил.

— Паша, я не могу сейчас планировать с тобой отпуск.

— Почему?

— Потому что узнала об измене.

Он поморщился.

— Ты будешь каждый раз это повторять?

Я медленно сняла сумку с плеча.

— А ты хочешь, чтобы я перестала?

— Нет. Просто я пытаюсь что-то сделать.

Я посмотрела на него.

— Я вижу.

Он шагнул ближе.

— Я не хочу тебя потерять.

Я опустила глаза.

Его голос был таким знакомым. Низким, немного хриплым после долгого дня. Мне хотелось поверить, что мы сможем снова разговаривать нормально.

Но всякий раз, когда я смотрела на него, между нами возникала другая женщина.

Павел протянул руку.

Я не отступила, но и не подошла.

Он остановился.

— Вер, я ведь здесь.

— Я вижу.

— И хочу быть с тобой.

Я долго смотрела на него.

— А почему тогда ты три года был еще и с ней?

Он убрал руку.

Ответа не последовало.

Я прошла в Дашину комнату и закрыла дверь.

На следующий день проснулась раньше будильника.

Села на кровати и некоторое время прислушивалась к квартире.

Из спальни не доносилось ни звука. Павел, видимо, еще спал.

Я встала, приняла душ, приготовила завтрак.

По привычке достала две чашки.

Потом остановилась и поставила одну обратно.

Мне стало неприятно от собственного движения. Я ведь не собиралась наказывать его отсутствием чая. Просто не хотела сейчас заботиться о нем автоматически, не спрашивая себя.

Павел взрослый человек. Он умел сварить кофе и приготовить завтрак.

Я налила себе чай, достала хлеб и села.

Через полчаса он вышел из спальни.

— Уже встала?

— Да.

Он посмотрел на стол.

— Ты ела?

— Ем.

Павел открыл шкафчик, достал чашку и поставил чайник.

Мы двигались по кухне осторожно, стараясь не задевать друг друга.

Раньше такое бывало после ссор. Я могла целое утро молчать, обижаясь на его резкий ответ или забытое обещание. К обеду мы обычно мирились.

Иногда Павел первым спрашивал, не хочу ли я куда-нибудь поехать. Иногда я готовила его любимое блюдо. Потом мы садились рядом, разговаривали, и ссора постепенно забывалась.

Сегодня мне было страшно представить, что все случившееся тоже может превратиться в обычное недоразумение, которое мы однажды перестанем обсуждать.

Павел сел напротив.

— Как ты?

Я посмотрела на него.

— Плохо.

Он кивнул.

— Я понимаю.

Мне хотелось спросить, как именно он это понимает. Но я устала разговаривать.

— Я сегодня хочу заняться делами, — сказала я.

— Какими?

— Рабочими. И своими.

— Хорошо.

Он немного помолчал.

— На следующей неделе у меня прием. Я пойду сам.

Я подняла глаза.

— Ты можешь сам.

— Знаю.

Он отпил чай.

— Просто раньше ты возила.

— Когда тебе было тяжело после бессонной ночи, я возила. Сейчас ты сам ездишь за город.

Павел кивнул.

— Да. Справлюсь.

Я ощутила облегчение, хотя одновременно мне было странно слышать эти слова.

Еще три дня назад я сама предложила бы отвезти его.

Теперь он говорил, что справится без меня.

Я закончила завтрак и ушла работать.

Наталья позвонила после полудня.

— Я с хозяйкой договорилась. Завтра в три можешь посмотреть.

Я закрыла таблицу.

— Могу.

— Квартира небольшая. Но там хороший стол, тебе удобно будет работать.

— Я видела.

— Хозяйка хочет сдать на полгода, потом посмотрит. Если все устроит, можно сразу обсудить договор.

Я записала время и адрес.

— Наташ, спасибо.

— Ты как?

Я посмотрела на закрытую дверь кабинета.

— Не знаю.

— Хочешь, приеду с тобой?

Я подумала.

— Нет. Сама посмотрю.

— Хорошо. Если что, звони.

Я положила телефон.

Передо мной лежал список документов, которые предстояло проверить. Рядом — лист с названием лодочной мастерской.

Я взяла ручку, перенесла несколько рабочих задач в календарь и оставила свободное время на завтрашний просмотр.

Потом открыла папку с личными документами.

Паспорт, полис, документы на машину — все было на месте.

Не знала, зачем делаю это именно сейчас. Возможно, мне хотелось убедиться, что хотя бы собственные вещи остаются понятными и доступными.

Вечером Павел постучал в дверь кабинета.

— Можно?

— Да.

Он вошел.

— Я хотел спросить про завтра. Ты свободна после обеда?

Я подняла глаза.

— Нет.

— Почему?

— У меня встреча.

Павел посмотрел на календарь рядом с ноутбуком.

— По работе?

Я немного помолчала.

— Нет.

Он сразу насторожился.

— Какая?

Я закрыла папку.

— Собираюсь посмотреть квартиру.

Павел не двинулся.

— Какую квартиру?

— Съемную.

Он медленно опустился на стул возле стены.

— Ты все-таки решила уйти?

— Я говорила тебе.

— Я думал, ты просто злишься.

Я посмотрела на него.

— Злюсь.

— Тогда давай не будем торопиться.

— Я не тороплюсь.

— Прошло всего два дня.

— Для меня прошло два дня. Для тебя — три года.

Павел отвел взгляд.

Я увидела, как он сжал пальцы, и снова почувствовала привычную тревогу.

— Тебе плохо? — спросила я.

Он покачал головой.

— Я просто не ожидал.

— Я тоже не ожидала узнать то, что ты мне рассказал.

Он долго молчал.

Потом спросил:

— Ты собираешься подать на развод?

Я посмотрела на свои руки.

Ногти были коротко подстрижены. На безымянном пальце оставалось обручальное кольцо. Я носила его двадцать четыре года, снимая только тогда, когда работала с тестом или занималась уборкой.

Вчера и сегодня я о нем не вспоминала.

Теперь повернула кольцо и почувствовала, как трудно оно двигается.

— Я пока не готова говорить о разводе, — ответила я. — Но жить здесь сейчас не могу.

Павел поднял голову.

— Я могу уехать. Ты ведь знаешь.

— Знаю.

— Тогда почему обязательно тебе?

Я посмотрела на знакомый кабинет.

На шкаф с документами. На стол, который Павел когда-то помогал мне выбирать. На лампу, купленную вместе с Дашей.

Это был мой дом.

Я могла остаться и попросить его уехать.

Но сейчас мне хотелось оказаться где-нибудь, где не было нашей общей истории в каждом предмете.

— Потому что я так хочу, — сказала я.

Павел нахмурился.

Возможно, ему было непривычно слышать от меня такой ответ.

Мне самой было непривычно его произносить.

— На сколько ты уедешь?

— Пока не знаю.

— Неделю? Две?

— Не знаю, Паша.

Он посмотрел в окно.

— Ты же понимаешь, что у меня сейчас непростое состояние.

Я кивнула.

— Понимаю.

— Я только начал немного приходить в себя.

Я задержала дыхание.

Раньше этого было достаточно, чтобы я отложила любые планы.

— Я знаю, — сказала я. — Поэтому и напомнила про прием. Тебе нужно продолжать лечение.

— А ты?

Я не сразу поняла вопрос.

— Что я?

— Ты мне больше не поможешь?

Я долго смотрела на мужа.

Мне было жаль его. Я видела, что он испуган. Знала, как тяжело он переносил последние месяцы. Не хотела причинять ему дополнительную боль.

Но больше не могла делать вид, что ничего не случилось.

— Паша, я двадцать четыре года была твоей женой. И последние месяцы очень старалась тебе помочь.

Он опустил глаза.

— Я знаю.

— Я не перестала за тебя переживать. Но сейчас мне самой плохо. И я не могу вести себя так, будто главное — скорее тебя успокоить.

Павел сидел неподвижно.

— Я не прошу тебя делать вид, — произнес он.

— Тогда дай мне пожить отдельно.

Он провел ладонью по лицу.

— Хорошо.

Я не почувствовала облегчения сразу.

Мне показалось, что теперь нужно что-нибудь сказать. Поблагодарить за понимание, уточнить, как он собирается провести вечер, спросить про спину.

Вместо этого я осталась молчать.

Павел поднялся.

У двери остановился.

— Вер, ты ведь не решила все окончательно?

Я посмотрела на него.

Мне хотелось ответить так, чтобы он не расстроился.

Но я уже слишком долго старалась выбирать для него самые удобные слова.

— Нет, Паша. Я не решила, что будет с нашим браком. Но я точно решила посмотреть квартиру.

Он кивнул и вышел.

Некоторое время я оставалась за столом, прислушиваясь к шагам мужа. Потом открыла календарь.

Завтра в три часа у меня был просмотр.

Я внесла адрес, проверила дорогу и поставила напоминание.

Рядом с рабочими задачами появилась новая запись.

Обычная встреча на полчаса.

Только на этот раз я выбирала место, где смогу закрыть дверь и остаться наедине со своими мыслями.

Я посмотрела на календарь еще раз.

Потом закрыла ноутбук и впервые за два дня пошла готовить ужин, потому что сама проголодалась.

Глава 3. Мой ключ

Квартиру мне показывали на пятом этаже обычной девятиэтажки.

Лифт пах свежей краской. На пятом этаже возле соседней двери стоял детский велосипед, а у открытой квартиры меня встретила невысокая женщина в домашнем кардигане.

— Вы Вера? Проходите. Я Лидия Петровна.

Я сняла обувь, хотя хозяйка сказала, что можно не разуваться.

Квартира была небольшой. Узкая прихожая, совмещенный санузел, кухня с круглым столом и одна комната. У окна стоял письменный стол, рядом с ним — высокий шкаф. На диване лежало аккуратно сложенное покрывало.

Пахло стиральным порошком и сухими яблоками.

— Я к дочери переехала, — объяснила Лидия Петровна. — У нее малыш родился, помогаю. А квартира пустует. Наталья сказала, вы спокойная женщина, работаете дома.

— В основном дома.

— Вот стол как раз хороший. Сын когда-то себе покупал. Теперь стоит без дела.

Я подошла к окну.

Внизу росла береза. За ней виднелись крыши гаражей и небольшой продуктовый магазин. До остановки, как я проверила утром, было семь минут пешком.

— Интернет здесь проведен?

— Да. Роутер остается. Только договор на себя переоформите, если понадобится.

Я кивнула и открыла блокнот.

До сих пор все происходило как обычный просмотр жилья для кого-нибудь другого. Я задавала вопросы о коммунальных платежах, проверяла, закрываются ли окна, осмотрела стиральную машину. Хозяйка подробно рассказывала, когда меняла смеситель и почему дверь шкафа немного задевает пол.

Мне было легко.

Пока она не спросила:

— Вы одна будете жить?

Я посмотрела на нее.

— Да.

— Муж не переедет потом?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Лидия Петровна ничего не сказала. Только достала из ящика папку с документами.

— Тогда смотрите. Я на полгода хочу сдать. Если все устроит, потом продлим.

Я взяла листы и стала читать.

Арендная плата была разумной. Залог составлял еще один месяц. Из техники имелись холодильник, плита, стиральная машина и небольшой телевизор.

Моя работа позволяла оплачивать такое жилье. Пришлось бы внимательнее относиться к расходам, но занимать деньги или просить их у Павла не требовалось.

— А вы когда хотели бы въехать? — спросила хозяйка.

Я посмотрела на пустой стол у окна.

На нем можно было разместить ноутбук, папки и лампу. Розетка находилась справа, удлинитель не требовался.

— На следующей неделе.

— Меня устраивает.

Она улыбнулась.

— Вы подумайте. Можете с мужем обсудить.

Я не стала объяснять, что именно поэтому и приехала одна.

Мы договорились созвониться через два дня. На прощание хозяйка показала, как нужно приподнимать ручку входной двери, чтобы замок закрывался без усилия.

Когда я вышла на лестничную площадку, меня неожиданно затрясло.

Я прислонилась к стене возле лифта.

Только сейчас до меня дошло, что я действительно собиралась снять квартиру.

Не поехать к Наталье на несколько дней. Не провести выходные у подруги, пока остыну после ссоры.

Собрать вещи и уйти из дома, где прожила больше двадцати лет.

Телефон завибрировал.

Павел.

Я посмотрела на экран и ответила.

— Да?

— Ты где?

— На улице.

— Долго еще?

Я взглянула на закрытую дверь квартиры.

— Не знаю.

— Я думал, мы вместе пообедаем.

Мне захотелось сказать, что сейчас приеду.

Он редко предлагал обедать вместе. Особенно в последние месяцы.

Я даже представила, как возвращаюсь, ставлю сумку в прихожей, прохожу на кухню. Павел достает тарелки. Мы садимся напротив друг друга и говорим о чем-нибудь обычном.

На несколько минут все снова становится привычным.

— Я поем в городе, — ответила я.

Павел помолчал.

— Квартиру посмотрела?

— Да.

— И что?

— Подходит.

Павел долго не отвечал.

— Вера, ты серьезно собираешься туда переехать?

Я закрыла глаза.

— Да, Паша.

— Мы же договорились не торопиться.

— Нет. Ты просил не торопиться. Я сказала, что хочу пожить отдельно.

Он тяжело вздохнул.

— Хорошо. Поговорим дома.

Я убрала телефон.

Лифт приехал, но я не вошла. Дождалась следующего.

Мне нужно было несколько минут, чтобы перестать дрожать.

В автобусе я села у окна и достала телефон снова. Открыла приложение банка, посмотрела остаток на счете, прикинула расходы.

Аренда. Залог. Интернет. Продукты. Транспорт.

Рабочие поступления у меня были регулярными. Двое клиентов переводили оплату в начале месяца, еще трое — после закрытия документов. Ничего роскошного, но достаточно.

Своей машиной я пока могла пользоваться. Мы купили ее несколько лет назад, ездила на ней в основном я.

Я открыла календарь.

На следующей неделе у меня стояли две рабочие встречи и напоминание о приеме мужа.

Я смотрела на последнюю запись дольше остальных.

Павел сказал, что поедет сам.

Я верила, что сможет.

Но мне все равно хотелось уточнить время, проверить адрес, предложить подвезти.

Я закрыла календарь.

За окном проносились знакомые дома. Я столько раз ездила по этому маршруту, что могла почти не смотреть на дорогу.

Сегодня мне казалось, что я нахожусь в чужом городе.

Домой вернулась после четырех.

Павел сидел в гостиной и читал что-то в телефоне. На столе стояла тарелка с недоеденным супом.

Он поднял голову.

— Приехала.

— Да.

Я сняла куртку.

— Квартира хорошая?

— Нормальная. Небольшая.

— Где?

Я назвала район.

Он нахмурился.

— Там старые дома.

— Дом обычный, девятиэтажный. В квартире чисто, техника работает.

— И ты собираешься платить чужой женщине за жилье, когда у нас есть свое?

Я посмотрела на него.

— Паша, мы это уже обсуждали.

— Я не понимаю, зачем тебе такие расходы.

— Чтобы пожить отдельно.

Он отложил телефон.

— Если ты хочешь побыть одна, я могу на время уехать. Домик у озера свободен.

Я медленно поставила сумку на стул.

Домик у озера.

Еще несколько дней назад я обрадовалась бы, узнав, что у мужа есть место для отдыха. Теперь одно упоминание этого дома заставляло меня представлять чужую женщину.

Павел заметил мое лицо.

— Я не хотел тебя обидеть.

— Знаю.

— Просто предложил выход.

— Для меня это не выход.

— Почему?

— Потому что я не хочу оставаться здесь и ждать, когда ты вернешься из того дома.

Он опустил глаза.

— Я давно там один бываю.

Я ничего не ответила.

Павел провел ладонью по подлокотнику кресла.

— Вер, я же не могу изменить прошлое.

— Не можешь.

— Тогда что мне делать?

Я села напротив.

Он смотрел на меня с таким ожиданием, будто я должна была дать понятную инструкцию.

Я знала это выражение лица.

Когда у него возникали сложности с домашними делами, я обычно составляла список, звонила нужным людям, находила документы. Павел мог заниматься большими служебными вопросами, но дома быстро привык поручать организацию мне.

И сейчас он опять спрашивал, что делать.

Только я не знала.

— Продолжать лечение, — сказала я. — Заниматься своими делами. Дать мне время.

— Сколько?

— Не могу сказать.

— Месяц?

— Паша...

— Я хочу понимать, чего ждать.

Я посмотрела на него.

— А ты понимаешь, что я тоже не знаю, чего ждать от тебя?

Он замолчал.

Я ушла на кухню и поставила чайник.

Раньше, когда между нами возникала тяжелая ссора, я старалась закончить ее до вечера. Мне не нравилось ложиться спать обиженной.

Теперь примириться хотелось не меньше.

Но я не понимала, что именно мы могли бы назвать примирением.

***

Через два дня я подписала договор аренды.

Лидия Петровна встретила меня с двумя комплектами ключей и небольшой стопкой инструкций. Объяснила, где перекрывается вода, как включать стиральную машину и кому звонить, если начнутся проблемы с отоплением.

Я перечислила деньги и получила расписку.

Хозяйка внимательно посмотрела на меня.

— Вы уверены, что все решили?

Я кивнула.

— Да.

— Тогда живите спокойно.

Она положила ключи на стол.

Я взяла оба комплекта и повертела в руке один ключ.

Ключ был плоский, с синей пластиковой головкой. Совсем не похожий на тяжелую связку с брелоком от нашей семейной квартиры.

Я убрала ключи в сумку.

На следующий день начала собирать вещи.

Павел наблюдал из дверного проема спальни.

На кровати лежали две открытые сумки. Я складывала одежду, стараясь брать только то, что понадобится в ближайшие месяцы.

В одну поместились джинсы, несколько футболок, белье, свитер. Во вторую — постельное белье, полотенца и мелочи.

Платья я перебирала дольше.

Большую часть из них надевала на семейные праздники или встречи, куда мы ходили вместе.

Одно темно-синее платье Павел когда-то выбрал сам. Мы тогда собирались на юбилей его начальника, а я не могла решить, что купить.

Он сказал, что мне идет этот цвет.

Я провела пальцами по ткани.

— Можешь оставить, — произнес Павел.

Я обернулась.

— Что?

— Вещи. Ты ведь не навсегда уезжаешь.

Я посмотрела на сумки.

— Мне понадобится одежда.

— Можно приезжать и брать, что нужно. Я ничего не трону.

Я сняла платье с вешалки и сложила.

— Спасибо.

Он помолчал.

— Я помогу отвезти.

— Не надо. Закажу машину.

— Зачем платить за перевозку, если у меня автомобиль?

— У меня тоже есть.

— Ты же не повезешь на себе все эти сумки.

Я выпрямилась.

— Паша, я справлюсь.

Он потер переносицу.

— Я просто предложил помощь.

— Я понимаю.

Он еще немного постоял и вышел.

Мне было неприятно.

Я не хотела отказывать ему во всем подряд. Не хотела превращать любой разговор в спор.

Но боялась, что стоит согласиться на одну привычную вещь, как за ней последуют остальные.

Он отвезет сумки, поможет расставить вещи, останется на чай. Я поблагодарю, мы посидим рядом. Потом он спросит, когда я вернусь.

И мне опять придется объяснять то, чего я сама пока не понимала.

К вечеру коробок оказалось больше, чем я рассчитывала.

Рабочие документы, папки, ноутбук, запасные провода, настольная лампа. Несколько книг. Косметика. Лекарства, которые принимала сама. Фотоальбом.

Я долго держала последний в руках.

На обложке была Даша в белом платье, с двумя короткими косичками. Снимок сделали в день ее первого школьного выступления.

Я открыла альбом.

На одной фотографии Павел держал дочь на руках. На другой мы стояли втроем возле моря. Потом шли дни рождения, поездки, выпускной.

Я перелистнула несколько страниц.

Павел на снимках улыбался чаще, чем в последние годы.

Я закрыла альбом и положила в коробку.

Не хотела отказываться от собственных воспоминаний только потому, что теперь они причиняли боль.

На переезд ушло полдня.

Я заказала небольшую грузовую машину. Наталья приехала помочь разобрать вещи, хотя я убеждала ее, что справлюсь сама.

— Я не собираюсь носить твои шкафы, — сказала она, стоя в прихожей новой квартиры. — Я приехала проверить, не начнешь ли ты сейчас мыть окна вместо того, чтобы поесть.

— Они чистые.

— Уже хорошо.

Она сняла куртку и огляделась.

— Стол удобный.

— Да. Только стул жестковат.

— Стул купишь.

Наталья открыла одну из коробок.

— Это что?

— Книги.

— Я вижу. Почему ты сложила их вместе с документами?

— Потому что коробка была свободная.

Она посмотрела на меня.

— Вер, ты спала сегодня?

— Немного.

— Заметно.

Я хотела возразить, но Наталья уже доставала папки и раскладывала их на столе.

Мы работали почти час.

Потом она отправилась в магазин за чем-нибудь к чаю, а я застелила кровать и подключила ноутбук.

К вечеру квартира приобрела обжитой вид.

На столе стояла моя лампа. Возле дивана лежал плед. В шкафу висела одежда. На кухне появились две чашки и маленькая банка кофе.

Когда Наталья собралась уходить, я проводила ее до двери.

— Позвони, если что-нибудь понадобится.

— Хорошо.

Она обняла меня.

Я неожиданно крепко вцепилась в ее плечи.

Наталья не стала ничего говорить. Постояла, пока я сама не отпустила.

— Завтра наберу, — сказала она.

Дверь закрылась.

Я осталась одна.

Новая квартира была тихой.

В семейном доме почти всегда что-нибудь шумело: холодильник на кухне, телевизор Павла, машины за окном. Здесь слышалось только негромкое гудение вентиляции.

Я прошла по комнате, поправила покрывало, поставила на место чашку.

Потом села на диван.

Мне было сорок пять лет.

У меня имелись работа, деньги, взрослая дочь и муж, с которым я прожила почти всю сознательную жизнь.

И я сидела одна в чужой квартире, за которую только что заплатила аренду и залог.

Телефон завибрировал.

Павел написал:

«Доехала?»

Я ответила:

«Да. Все нормально».

Через минуту пришло еще одно сообщение.

«Когда вернешься?»

Я долго смотрела на экран.

Потом написала:

«Пока не знаю».

Павел ничего больше не ответил.

Я положила телефон на стол, прошла на кухню и открыла холодильник.

Внутри стояли молоко, яйца, сыр и йогурт, купленные Натальей.

Я достала йогурт и села есть прямо из баночки.

Никто не спрашивал, что будет на ужин.

Не нужно было проверять, остались ли таблетки в органайзере, звонить, чтобы уточнить завтрашние планы, думать, не приготовить ли что-нибудь особенное, чтобы поднять мужу настроение.

От этого стало легче.

И почти сразу стыдно.

Я закрыла баночку и убрала в холодильник.

Павлу сейчас тоже было тяжело. Я знала это. И все равно впервые за долгое время радовалась тому, что вечер принадлежал только мне.

***

Даша приехала через четыре дня.

Я не звала ее специально. Она написала утром, что хочет увидеть квартиру, и спросила, можно ли зайти после работы.

Я ответила, что буду дома.

К шести приготовила чай, нарезала сыр и хлеб, достала печенье. Потом заметила, что накрыла стол на троих.

Одну чашку убрала обратно.

Даша пришла с бумажным пакетом из пекарни.

— Привет.

— Привет, солнышко.

Она позволила себя обнять, но быстро отстранилась и огляделась.

— Маленькая.

— Мне одной хватает.

— А кухня?

— Там.

Даша прошла по комнате, заглянула в кухню, открыла дверь ванной.

— Нормально, — сказала наконец. — Светло.

Я забрала пакет.

— Что принесла?

— Булочки. Ты же любишь с корицей.

— Спасибо.

Она села за стол и положила телефон экраном вниз.

Я разлила чай.

Даша смотрела на меня внимательнее обычного.

— Мам, что происходит?

Я поставила чайник.

— Ты про переезд?

— Папа сказал, вы поссорились.

Я села напротив.

— Мы действительно поссорились.

— Из-за чего?

Мне захотелось ответить, что это наши с Павлом отношения и дочери не нужно вмешиваться.

Но Даша уже была взрослой. Она видела, что мать сняла квартиру, а отец остался один.

Она имела право знать хотя бы главное.

— Папа мне изменял, — сказала я.

Даша замерла.

— Что?

Я положила руки на стол.

— У него была другая женщина. Несколько лет.

Она смотрела на меня, не моргая.

— Ты шутишь?

— Нет.

— Папа?

Я кивнула.

Даша отвернулась к окну.

За стеклом медленно ехал автобус. Он остановился у светофора, потом тронулся.

— Сколько? — спросила дочь.

— Три года.

Она повернулась.

— Три?

— Да.

Даша открыла рот, потом закрыла.

Я видела, как она пытается что-то сказать и не может.

— Откуда ты узнала?

— Папа признался.

— Сам?

— После разговора о его поездках.

Она провела ладонью по лицу.

— Господи.

Я молчала.

Мне хотелось подойти к ней, обнять, сказать, что все будет хорошо. Но я не знала, что именно теперь означало это «хорошо».

Даша посмотрела на меня.

— И поэтому ты уехала?

— Да.

— А почему ты сразу мне не сказала?

— Сама узнала совсем недавно. Мне нужно было разобраться хотя бы в том, что я собираюсь делать дальше.

Она опустила глаза.

— Папа мне ничего не говорил.

— Я знаю.

— Он сказал, что вы устали друг от друга, что вам надо побыть отдельно. Я думала... — Даша замолчала.

— Что?

— Что это из-за его состояния. Он ведь последние месяцы совсем не такой, как раньше.

Я посмотрела на дочь.

Павел ей ничего не объяснил.

Я вспомнила, как Павел просил не рассказывать ей.

— Даша, у папы есть врач. Он продолжает лечение. Я не собираюсь мешать ему лечиться.

— Я понимаю.

Она взяла чашку, но не стала пить.

— А эта женщина... Она сейчас с ним?

— Нет. Они расстались еще зимой.

Даша нахмурилась.

— Подожди. Значит, когда ему стало совсем плохо...

Она не договорила.

Я кивнула.

— Я тоже только недавно поняла, что тогда происходило.

Даша долго молчала.

Потом резко поставила чашку.

— Я не понимаю, как он мог.

Ее голос сорвался.

Я протянула руку через стол, но дочь поднялась и отошла к окну.

— Он же все время говорил, что семья самое главное.

— Говорил.

— И мне говорил. Помнишь, когда я хотела уехать учиться в другой город? Он столько рассказывал про ответственность, про то, что нельзя бросать близких...

Я помнила.

Павел тогда очень переживал, что Даша будет далеко. Несколько недель убеждал ее выбрать учебу поближе. В итоге дочь сама решила остаться в городе, но спорили они долго.

— Помню, — ответила я.

Даша села обратно.

— Ты хочешь развестись?

Я посмотрела на нее.

Еще несколько дней назад я отвечала Павлу, что не знаю.

Теперь я уже всерьез представляла, как буду жить без него.

— Думаю об этом.

Даша прикусила губу.

— Мам...

Я ждала.

— Может, не надо сейчас ничего решать?

Мне стало тяжело.

— Почему?

— Ну папа ведь болеет. Ты сама говорила, что ему тяжело. Может, сначала он поправится, а потом вы спокойно поговорите.

Я посмотрела на дочь.

Она говорила осторожно, подбирая слова. Не требовала, не приказывала. По ее словам я слышала, как ей хочется, чтобы все стало по-прежнему.

— Мы уже разговаривали, Даш.

— Но сейчас он не в лучшем состоянии.

— Я знаю.

— А если ему станет хуже?

Я почувствовала знакомое напряжение в плечах.

В последние месяцы этот вопрос сопровождал почти каждое мое решение.

Если я уйду надолго, если задержусь на работе, если не отвечу на звонок, не станет ли Павлу хуже?

Но теперь меня спрашивала дочь.

— Даш, я понимаю, что ты за него переживаешь.

— Конечно, переживаю.

— Я тоже. Но я не могу оставаться его женой только потому, что у него депрессия.

Даша опустила взгляд.

— Я такого не говорила.

— Ты предложила ждать, пока ему станет легче.

— А разве нельзя?

Я взяла чашку.

Чай почти остыл.

— Можно, если я сама хочу ждать. Но сейчас я не знаю, хочу ли вообще возвращаться.

Она долго молчала.

Потом сказала:

— Мне страшно, что вы разведетесь.

Я посмотрела на нее.

— Мне тоже.

Даша подняла глаза.

Наверное, ожидала другого ответа. Я всегда старалась говорить с ней уверенно, даже когда сама сомневалась.

— А если он попросит прощения?

— Он уже просил.

— И ты не простила?

Я покачала головой.

— Я не могу за несколько дней решить, что делать с тремя годами обмана.

Она сжала пальцы.

— Ты его больше не любишь?

Вот на этот вопрос я не смогла ответить сразу.

Вчера вечером мне хотелось позвонить Павлу. Рассказать, что в новой квартире холодный пол, а сосед сверху весь вечер двигал мебель.

Хотелось услышать его голос.

Я скучала по человеку, с которым прожила почти всю жизнь.

И одновременно боялась снова оказаться рядом.

— Люблю, — сказала я наконец. — Но мне очень больно.

Даша опустила голову.

По ее щеке скатилась слеза. Она быстро вытерла ее рукавом.

Я поднялась и села рядом.

— Иди сюда.

Она позволила себя обнять.

Некоторое время мы сидели молча.

Потом Даша отстранилась.

— Я не знаю, как теперь с ним разговаривать.

— Так, как ты сама решишь. Он твой отец.

— Ты не против, если я буду к нему ездить?

Я удивилась.

— Конечно, нет.

— Просто...

Она замолчала.

— Даша, тебе не нужно выбирать между нами. То, что произошло в нашем браке, не отменяет твоих отношений с папой.

Дочь кивнула, но легче ей не стало.

Мы допили чай.

Она рассказала о работе, показала макет, который никак не удавалось согласовать с заказчиком. Я посмотрела, заметила ошибку в расположении текста, и мы даже немного поспорили.

Когда Даша собралась уходить, я проводила ее до двери.

Она обулась, взяла сумку и вдруг спросила:

— Мам, а если папа останется совсем один?

Я посмотрела на нее.

— У него есть друзья, знакомые, врач. И ты. Я не запрещаю вам общаться.

— Но раньше ты всегда была рядом.

— Знаю.

Даша опустила глаза.

— Мне трудно представить, что теперь будет по-другому.

— Мне тоже, солнышко.

Она обняла меня на прощание.

Дверь закрылась.

Я вернулась на кухню, собрала чашки и выбросила бумажный пакет из пекарни.

На тарелке осталась одна булочка.

Я взяла ее, откусила и почувствовала, что совершенно не хочу есть.

Положила обратно.

Мне было жаль Дашу.

Она выросла в семье, которую считала надежной. И теперь привычная картина разрушилась.

Я не могла отменить ее боль.

Но впервые ясно поняла: если останусь с Павлом только ради дочери, это не сделает наш брак прежним.

На следующий день она прислала мне фотографию нового макета.

«Вот так лучше?»

Я внимательно посмотрела.

«Да. Теперь название видно сразу».

Через минуту пришел ответ:

«Спасибо, мам».

Я улыбнулась.

Мы все еще могли разговаривать о работе, смешных картинках и обычных мелочах.

Для этого нам не требовалось делать вид, что ничего не случилось.

***

С Ильей Даниловым я познакомилась во вторник, когда на улице неожиданно стало по-летнему жарко.

Утром Наталья прислала адрес мастерской и номер Дениса, одного из владельцев.

Я заранее позвонила, уточнила время и спросила, где лучше оставить машину.

— Заезжайте со стороны причала, — объяснил мужчина. — Там ворота серые, за ними большая площадка. Только не перепутайте с соседним сервисом. Они автомобили чинят, а мы пока до этого не дошли.

Я улыбнулась.

— Поняла.

— Если не найдете, звоните.

Я приехала на десять минут раньше.

Мастерская располагалась в длинном одноэтажном здании недалеко от воды. Рядом стояли несколько лодок на прицепах, у стены лежали аккуратно сложенные металлические стойки. Из открытых ворот доносился стук инструмента.

Я вышла из машины, взяла сумку с ноутбуком и папку.

У ворот молодой парень в рабочей одежде протирал тряпкой какую-то деталь.

— Здравствуйте. Мне Денис нужен.

— Сейчас позову.

Он ушел внутрь.

Я осталась на площадке.

Возле стены стояла синяя лодка с наполовину снятым мотором. На борту виднелась длинная царапина, кто-то аккуратно заклеил ее малярной лентой.

Из помещения вышел мужчина лет сорока пяти, коренастый, с коротко подстриженными волосами.

— Вера Андреевна?

— Да.

— Денис Рябов. Проходите.

Мы пожали руки.

— Наталья вас очень рекомендовала, — сказал он по дороге. — Надеюсь, вы не испугаетесь наших бумаг.

— А надо?

Денис усмехнулся.

— Это мы сейчас выясним.

Внутри пахло металлом, маслом и чем-то похожим на нагретую резину.

Справа стояли верстаки. На стене висели инструменты, рассортированные по размерам. Возле дальнего окна двое мужчин занимались двигателем.

На полу были проведены желтые линии, отделявшие рабочие зоны от прохода.

Денис провел меня в маленький кабинет.

Там стояли два стола, шкаф с папками, принтер и кофемашина. На стене висел календарь с фотографией лодки.

— Садитесь. Илья сейчас подойдет.

Я положила папку на стол.

— Вы давно работаете?

— Седьмой год. Раньше вдвоем крутились, теперь нас пятеро, если считать мастеров. В сезон иногда берем помощника.

— Зимой?

— Зимой почти все расходятся. Только мелкие заказы остаются.

Он поставил передо мной бутылку воды.

— Мы хотим это изменить.

Дверь открылась.

— Денис, кто забрал мою рулетку?

На пороге стоял высокий мужчина в темно-синей футболке и рабочих брюках. Рукава рубашки, надетой поверх футболки, были закатаны. На висках заметно серебрилась седина.

Он остановился, увидев меня.

— А, здравствуйте.

Денис поднялся.

— Это Вера Андреевна. Я говорил.

Мужчина шагнул ближе, на ходу вытирая руки чистой тряпкой.

— Илья Данилов.

Он пожал мне руку.

Ладонь у него была широкая, с небольшими шершавыми участками у основания пальцев. Рукопожатие крепкое, но короткое.

— Простите, я отвлекся, — сказал он. — Там клиент привез мотор с таким описанием неисправности, что мы уже десять минут пытаемся понять, что он имел в виду.

— А что написал?

Илья усмехнулся.

— «Заводится, но как-то не хочет».

Я невольно улыбнулась.

— Мне иногда присылают похожие описания. «Деньги куда-то делись».

Денис рассмеялся.

— Вот. Я же говорил, вы быстро найдете общий язык.

Илья отодвинул стул.

— Только у нас деньги действительно иногда куда-то деваются.

— Поэтому я здесь?

— Именно.

Он сел напротив.

Я открыла блокнот.

— Тогда рассказывайте, что хотите получить.

Денис начал объяснять.

Мастерская работала в основном с весны до поздней осени. Зимой часть сотрудников уходила на другие заработки, а помещение становилось почти бесполезным.

Илья хотел арендовать соседний теплый бокс, организовать хранение моторов и принимать заказы на зимнее обслуживание.

Идея выглядела разумной.

Но Денис признался, что они никак не могли определить, сколько денег потребуется на запуск и сколько заказов нужно, чтобы покрыть расходы.

— У нас есть примерный расчет, — сказал он.

Илья посмотрел на него.

— Очень примерный.

— Ты сам считал.

— Вот именно.

Я улыбнулась и попросила показать документы.

Денис достал несколько папок и открыл таблицу на компьютере.

Через пять минут стало ясно, что без предварительной проверки учета обсуждать расширение бессмысленно.

Поступления были записаны по месяцам. Расходы — тоже. Но отдельные виды работ не выделялись. Часть материалов учитывалась общей суммой, поэтому было трудно понять, сколько оставалось с конкретного заказа.

— А как вы определяете цену ремонта? — спросила я.

Илья придвинул стул.

— По трудоемкости и деталям. У нас есть расценки.

— Где они?

Он показал файл.

Я открыла его.

Список был довольно подробным, но по некоторым позициям не совпадал с фактическими платежами.

— Вы давно обновляли цены?

— Весной.

— А стоимость расходных материалов?

Илья нахмурился.

— Тоже.

Я показала ему две строки.

— Здесь вы используете старую закупочную цену.

Он наклонился ближе.

Я почувствовала слабый запах мыла и машинного масла.

— Это мартовский файл, — сказал он.

— Я вижу.

— Сейчас у нас другой.

— Тогда покажите другой.

Он посмотрел на меня.

Я спокойно ждала.

Денис кашлянул, пряча улыбку.

Илья взял мышь, открыл другую папку.

— Сейчас найдем.

Мы потратили еще несколько минут.

Наконец он показал обновленный файл.

— Вот.

Я посмотрела.

— Хорошо. Но в расчетах Дениса используется предыдущая версия.

Илья повернулся к партнеру.

— Я тебе говорил, что цены обновил.

— Говорил, — согласился Денис. — Только не сказал, где лежит файл.

Они посмотрели друг на друга.

Я невольно улыбнулась.

— Предлагаю сначала договориться, какая версия у вас рабочая. Иначе мы будем считать прибыль от одного ремонта по трем разным таблицам.

Илья откинулся на спинку стула.

— Звучит разумно.

— Я стараюсь.

Он усмехнулся.

Разговор продолжался почти час.

Я задавала вопросы о сотрудниках, заказах, закупках и аренде. Денис отвечал спокойно, иногда заглядывая в документы. Илья чаще говорил сразу, по памяти.

Потом обнаруживалось, что память у него хорошая, но не всегда точная.

— У нас зимой аренда должна быть недорогая, — объяснил он. — Хозяин помещения готов дать скидку.

— На сколько месяцев?

— Пока обсуждаем.

— Тогда в расчет нельзя поставить окончательную сумму.

— Можно взять среднюю.

— Для предварительной оценки — да. Но рядом нужно указать, что это предположение.

Илья посмотрел на меня.

— Вы всегда так подробно уточняете?

— Когда от ответа зависит, хватит ли вам денег, да.

Денис засмеялся.

— Илья, не спорь. Мы же для этого ее позвали.

— Я не спорю.

— Ты уже десять минут споришь.

— Я уточняю.

Я сделала запись.

— У вас это, кажется, рабочая традиция.

Денис рассмеялся еще громче.

Илья покачал головой.

— Видите, что мне приходится терпеть?

— Пока вижу, что Денис терпит ваши уточнения.

Он посмотрел на меня, и на его лице появилась неожиданно теплая улыбка.

Я опустила взгляд в блокнот.

Мне было непривычно разговаривать с незнакомым мужчиной так свободно.

С Павлом последние месяцы я почти каждую фразу предварительно обдумывала. Не потому, что он запрещал мне шутить. Просто боялась задеть болезненную тему, напомнить о службе, вызвать раздражение.

Здесь я могла говорить о цифрах, смеяться над чужими объяснениями и не угадывать каждую реакцию.

Рабочая встреча.

Всего лишь рабочая встреча.

Я заставила себя вернуться к документам.

— Давайте определим объем, — сказала я. — Сначала проверка учета за прошлый сезон. Потом расчет трех вариантов загрузки для зимнего обслуживания. И отдельно — список расходов, которые вы сейчас не можете подтвердить.

Денис кивнул.

— Подходит.

Илья спросил:

— А три варианта зачем? Мы примерно понимаем, сколько заказов можем взять.

— Примерно понимаете, сколько хотите взять. Это разные вещи.

Он приподнял бровь.

Я повернула блокнот к нему.

— Посчитаем осторожный вариант, средний и тот, который вы считаете хорошим. Посмотрим, при какой загрузке помещение хотя бы перестанет приносить убытки.

Илья внимательно изучил мои записи.

— Ладно. Согласен.

Я назвала стоимость работы.

Денис почти сразу кивнул.

Илья посмотрел на него.

— Ты даже торговаться не будешь?

— А ты хотел?

— Я хотел узнать, что входит в сумму.

— Это правильный вопрос, — сказала я.

Я подробно перечислила, что подготовлю, сколько встреч потребуется и какие документы понадобятся от мастерской.

Мы договорились о сроке и порядке оплаты. Я пообещала прислать проект договора на следующий день.

Денис вышел на несколько минут, чтобы ответить на звонок.

Мы с Ильей остались в кабинете вдвоем.

Он убрал документы в папку.

— Наталья сказала, что вы давно ведете небольшие компании.

— Да. В основном услуги и торговля.

— А мастерские раньше были?

— Одна. Но не лодочная.

— Значит, с моторами пока не очень знакомы.

— С ремонтом моторов — нет. С затратами на него разобраться смогу.

Он кивнул.

— Хорошо.

Я закрыла ноутбук.

Илья посмотрел на часы.

— Вы на машине?

— Да.

— Тогда ворота я сейчас открою. Денис их иногда закрывает, когда разгрузку ждут.

Он поднялся.

— И еще один вопрос.

Я насторожилась.

— Какой?

— Если мы в середине работы выясним, что проект убыточный, вы нам прямо скажете?

— Конечно.

— Даже если мы уже успеем очень его полюбить?

Я посмотрела на него.

— Особенно тогда.

Илья усмехнулся.

— Договорились.

Мы вышли на площадку.

Возле ворот молодой мастер пытался аккуратно уложить длинный шланг, который постоянно выскальзывал из рук. Илья остановился, помог ему закрепить конец и показал, куда убрать бухту.

Он сделал это быстро, без раздражения.

Потом вернулся ко мне.

— Простите. Здесь иногда приходится одновременно разговаривать с бухгалтером и следить, чтобы люди друг друга шлангом не связали.

— Это тоже нужно включить в расходы?

— Пока нет. Но мысль интересная.

Я засмеялась.

Илья открыл ворота.

— До следующей встречи, Вера Андреевна.

— До свидания.

Я села в машину.

Он дождался, пока я выеду с площадки, и только после этого повернулся к мастерской.

Уже на дороге я обнаружила, что улыбаюсь.

Попыталась понять почему.

Встреча прошла успешно. Договоренность о работе достигнута, объем понятен, оплата устраивала.

Наверное, поэтому.

Я включила радио.

По какой-то станции передавали старую песню, которую Павел не любил. Обычно в машине он просил переключить, едва слышал первые аккорды.

Я оставила.

До дома ехала почти полчаса и ни разу не подумала о том, что нужно приготовить мужу на ужин.

***

В конце мая я впервые сходила к юристу по семейным делам.

Записалась заранее, но утром едва не отменила прием.

Ночью мне снился Павел.

Будто мы снова были молодыми, жили в нашей первой маленькой квартире, а он собирался на службу. Я гладила ему рубашку, искала второй носок и смеялась, потому что он никак не мог найти ключи.

Проснулась с таким ясным ощущением прежней жизни, что несколько минут не понимала, где нахожусь.

Потом увидела светлый шкаф, чужие шторы и собственную лампу на столе.

Вспомнила все.

Я лежала, смотрела в потолок и пыталась решить, стоит ли идти к юристу.

Мы жили отдельно уже несколько недель.

Павел звонил почти каждый день. Иногда спрашивал, как я устроилась. Иногда предлагал встретиться, поехать куда-нибудь или просто поужинать.

Я отвечала коротко.

Один раз он рассказал, что самостоятельно съездил к врачу. Я обрадовалась и сразу спросила, как прошел прием.

Мы проговорили почти сорок минут.

После разговора я долго сидела с телефоном в руках.

Мне было приятно слышать его голос. Приятно знать, что он справляется. Хотелось опять спросить, что приготовить на ужин.

А потом я вспомнила Марину.

Не ее лицо — я его даже не видела.

Только имя.

И то, что три года мой муж находил для другой женщины время, которого нам постоянно не хватало.

Я встала и пошла в душ.

Юридическая консультация не обязывала меня немедленно подавать на развод.

Я могла хотя бы узнать, какие у меня есть варианты.

Юрист принимала в небольшом офисе недалеко от центра.

Она оказалась женщиной примерно моего возраста, с короткой стрижкой и спокойной манерой разговаривать. На столе стояла чашка с ручками и несколько папок.

Я рассказала о браке, квартире, дочери и раздельном проживании.

Про измену говорила коротко. Мне не хотелось снова перечислять три года чужих встреч.

Юрист задавала конкретные вопросы.

На кого оформлено жилье? Когда приобретено? Есть ли кредит? Совершеннолетняя ли дочь? Имеются ли другие общие активы?

Я отвечала.

В какой-то момент она спросила:

— Муж согласен на расторжение брака?

Я помолчала.

— Нет. Он просит подождать.

— А вы?

Я посмотрела на свои руки.

На безымянном пальце все еще было кольцо.

Я сняла его неделю назад, когда убиралась в новой квартире, потом почему-то снова надела.

— Я пока не знаю, как правильно поступить.

Юрист закрыла папку.

— Я не могу принять решение за вас. Могу объяснить порядок действий и возможные последствия.

Я кивнула.

Мы обсудили документы, процедуру расторжения брака и имущественные вопросы. Выяснилось, что раздел жилья можно решать отдельно. Для начала не требовалось немедленно продавать квартиру или договариваться обо всем имуществе.

Я записывала ответы в блокнот.

Когда консультация закончилась, юрист протянула мне список документов.

— Если решите подавать заявление, подготовьте это. Остальное уточним по необходимости.

Я взяла лист.

— Спасибо.

На улице было солнечно.

Я медленно пошла к машине.

В голове звучал вопрос: согласен ли муж на развод?

Павел не соглашался.

Он хотел, чтобы я вернулась.

Вчера прислал фотографию ужина, который приготовил сам. Подпись была короткая: «Не идеально, но съедобно».

Я ответила, что выглядит нормально.

Потом он написал: «Без тебя дома пусто».

Я долго смотрела на это сообщение.

Мне было жаль его. Я знала, как он привык к нашему дому, к совместным вечерам, к тому, что я всегда рядом.

Но именно эта привычность теперь причиняла боль.

Павел скучал по мне.

Я верила, что скучал.

Только совсем недавно он скучал по другой женщине, сидя рядом со мной.

Я остановилась возле машины.

Достала телефон и открыла переписку.

Последнее сообщение оставалось без ответа.

«Вер, приезжай хотя бы на выходные. Просто поговорим».

Я набрала:

«Паша, я не готова возвращаться».

Потом добавила:

«Мне нужно решить, что делать с нашим браком. Я была у юриста».

Отправила.

Ответ пришел почти сразу.

«Ты серьезно?»

Я посмотрела на экран.

«Да».

Телефон зазвонил.

Павел.

Я не стала отвечать возле машины. Села за руль, закрыла дверь, потом приняла вызов.

— Вера, что значит была у юриста?

— Я хотела узнать, какие у меня есть варианты.

— Какие варианты? Развод?

— В том числе.

Он тяжело выдохнул.

— Мы же договорились дать друг другу время.

— Мы договорились пожить отдельно.

— Я думал, ты вернешься, когда немного успокоишься.

Я посмотрела через лобовое стекло на людей, переходивших улицу.

— Паша, я не уехала потому, что плохо себя контролировала.

— Я не это сказал.

— Ты сказал, что я должна успокоиться и вернуться.

— Я надеюсь, что ты вернешься.

Я закрыла глаза.

— Я знаю.

Он помолчал.

— Я ведь стараюсь.

— Вижу.

— Сам занимаюсь делами, хожу к врачу. Ты хотела, чтобы я начал что-то делать самостоятельно.

— Да.

— И что теперь?

Я медленно провела ладонью по рулю.

— Это хорошо, Паша. Правда хорошо. Но ты делаешь это для себя, не для того, чтобы я обязана была вернуться.

Он не ответил.

Потом произнес:

— Ты совсем не хочешь попытаться?

У меня защипало в глазах.

Я хотела.

Наверное, какая-то часть меня продолжала хотеть.

Хотела проснуться в нашей спальне и обнаружить, что никакой Марины не существовало. Что муж действительно переживал только отставку, а я помогала ему пройти трудное время.

Но это желание относилось к прошлому, которого уже нельзя было вернуть.

Я открыла глаза.

— Я не знаю, как снова тебе доверять.

Павел долго молчал.

— Со временем, наверное, сможешь.

Возможно, он был прав.

Но мне предстояло прожить это время.

Просыпаться рядом, когда он задерживался с ответом на сообщение. Слушать, как собирается куда-то уехать, и думать, говорит ли правду. Сравнивать даты, вспоминать наши поездки, пытаться понять, в какие дни он был с ней.

Я не хотела превращаться в человека, который проверяет каждое движение мужа.

И не знала, как иначе жить с ним.

— Паша, мне надо ехать.

— Вера...

— Поговорим позже.

Я отключилась.

Сидела за рулем еще несколько минут.

Потом завела двигатель.

Домой поехала не сразу. Сначала остановилась возле небольшого магазина канцтоваров и купила новую папку для документов.

Продавщица спросила, нужен ли чек.

— Да, пожалуйста.

Я убрала покупку в сумку.

На улице встретила женщину с маленькой девочкой. Ребенок громко требовал мороженое, мать пыталась объяснить, что сначала они пообедают.

Я невольно улыбнулась.

Когда Даше было пять, она тоже считала, что мороженое нужно покупать немедленно, пока не закончилось лето.

Я вспомнила, как Павел однажды принес ей целый пакет разных стаканчиков. Она сидела на кухне и никак не могла выбрать, какой съесть первым.

Мы оба смеялись.

Я остановилась возле витрины.

Память продолжала возвращать хорошие моменты.

От этого становилось больнее.

Я могла признать, что мы были счастливы.

Но это не отменяло того, что случилось потом.

***

Через несколько дней я поехала в семейную квартиру за документами.

Павла предупредила заранее.

Он открыл дверь почти сразу.

На нем была светлая рубашка, которую я давно не видела. Волосы аккуратно подстрижены. В прихожей пахло кофе.

— Проходи, — сказал он.

Я вошла.

На первый взгляд дома ничего не изменилось. Моя обувь стояла на полке, на стене висела фотография Даши, возле зеркала лежала связка запасных ключей.

Павел посмотрел на сумку у меня в руках.

— Надолго?

— Минут на двадцать. Мне нужны документы.

Он кивнул.

— Я приготовил обед. Можем поесть вместе.

Я хотела отказаться.

Потом почувствовала, что голодна, а время действительно позволяло.

— Хорошо.

Павел прошел на кухню.

Я направилась в кабинет, открыла шкаф и достала папку с семейными документами.

Свидетельство о браке лежало между копиями паспортов и бумагами на квартиру.

Я взяла его.

На плотном листе стояли наши фамилии, дата и место регистрации.

Я долго смотрела на документ.

Помнила тот день. Мне был двадцать один год, Павлу — двадцать девять. Он стоял в темном костюме, который мы выбирали вместе, и ужасно волновался.

В загсе перепутал, в какой карман положил кольцо.

Я заметила, как дрожат его пальцы, когда он наконец достал маленькую коробочку.

Мы были счастливы.

Я помнила это совершенно точно.

— Нашла? — спросил Павел из дверей.

Я подняла голову.

— Да.

Он посмотрел на папку.

— Что тебе нужно?

— Свидетельство о браке. И копии документов на квартиру.

Павел помолчал.

— Для юриста?

— Да.

Он опустил взгляд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.